ТУВЕ ЯНССОН

Tove Jansson

В ГЛУБИНЕ НОЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

В глубине ноября
Туве Марика Янссон

Аннотация
Туве Янссон. В глубине ноября
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Аннотация

Лето прошло, и зима не за горами. Снусмумрик, как обычно, отправляется в странствие. Но почему-то на этот раз у него не получается беспечно покинуть Муми-долину — ноги словно сами собой возвращают его обратно. И, кстати, ближе к зиме многие друзья и знакомые муми-троллей вдруг решают, что сейчас самое время нанести визит в Муми-дом. И вот на веранде вновь загорается золотистый огонёк керосиновой лампы, с которой осенние вечера становятся теплее, и все так рады видеть друг друга.

Книга, которую вы держите в руках, — настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново переведён на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно по-новому взглянуть на их приключения. А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

Туве Янссон
В глубине ноября

Tove Jansson
SENT I NOVEMBER

Copyright © Tove Jansson 1970 Moomin Characters ™

All rights reserved

Серийное оформление *Татьяны Павловой*
Иллюстрации в тексте и на обложке *Туве Янсон*
Перевод со шведского *Евгении Тиновицкой* под общей редакцией *Натальи Калошиной* и *Евгении Канищевой*
Стихи в переводе *Марины Бородицкой*

© Е. Тиновицкая, перевод, 2018
© М. Бородицкая, стихотворный перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Карта Муми-долины
Пустошь
Последние дома
Долина Филифьонки
Муми-долина
Карта побережья

Моему брату Лассе

1

Тем ранним утром Снусмумрик проснулся в своей палатке в Муми-долине и почувствовал, что воздух пахнет осенью и разлукой.

Скорее, очертя голову — в путь! И всё меняется в мгновение ока, и уходящему нельзя терять ни секунды: он выдёргивает из земли колышки от палатки и быстро затаптывает угли, чтобы никто

не успел помешать, пристать с расспросами; он вприпрыжку закидывает на спину рюкзак — и уже в пути, и на него вдруг снисходит спокойствие, он словно дерево, на котором не дрогнет ни один лист. На месте палатки остаётся только пятно пожелтелой травы. Через несколько часов друзья проснутся и скажут: «Вот он и ушёл. Осень».

Снусмумрик шёл спокойно, неторопливо, лес обступил его со всех сторон, и начался дождь. Дождь падал Снусмумрику на зелёную шляпу, на плащ, тоже зелёный, капал и шелестел, а лес укрывал мягким и ласковым одиночеством.

Вереница гор торжественно тянулась вдоль всей береговой линии, изрезанной мысами и бухтами. Между горами лежали долины. В ближайшей долине жила, одна-одинёшенька, филифьонка. Снусмумрик повидал немало филифьонок и привык, что живут они сами по себе и по своим сложным филифьоночьим правилам. Но проходить мимо их домов он всегда старался как можно тише.

Забор высился мокрыми заострёнными штакетинами, ворота были на замке, двор пуст. Ни бельевых верёвок, ни поленницы, ни гамака, ни садовой мебели, ни следа милых и трогательных

летних мелочей — грабель, ведра, забытой шляпы или кошачьей миски, ни одной из бесчисленных вещиц, ожидающих наступления утра, признаков того, что в доме живут и двери его открыты.

Филифьонка почуяла осень и заперлась на зиму. Дом её казался покинутым, нежилым, и всё же она была там, внутри, за высокими непроницаемыми стенами, за окнами, скрытыми переплетением ветвей.

Неторопливая поступь осени по направлению к зиме — не такое уж плохое время. Можно делать запасы, утепляться, готовиться что есть сил. Приятно подгрести всё своё поближе к себе, собраться с теплом и с мыслями и зарыться в глубокую и надёжную нору, в средоточие безопасности, прихватив всё важное, ценное, собственное. И пусть тогда морозы, бури и тьма приходят, сколько им заблагорассудится. Пусть ощупывают двери и разыскивают щели, чтобы пробраться внутрь, — ничего у них не выйдет, все двери крепко заперты, а за дверями сидит себе и посмеивается в тепле и одиночестве тот, кто обо всём подумал заранее.

Кто-то уходит, а кто-то остаётся, и так было всегда. Каждый выбирает для себя, главное — вовремя выбрать и уж потом не оглядываться.

Филифьонка на заднем дворе принялась выбивать половики. Она била в них так отчаянно и ритмично, что сразу слышно было: дело делается с удовольствием. Снусмумрик на ходу зажёг трубку и подумал: В Муми-долине уже все проснулись. Папа сейчас заводит часы и стучит по барометру. Мама растапливает печь. Муми-тролль выходит на веранду и видит пустое место от палатки. Он бежит к мосту, заглядывает в почтовый ящик, но и там тоже пусто. Я ведь забыл оставить ему письмо, не успел. Но я всегда пишу одно и то же: «Вернусь в апреле, не скучай», «Ухожу и вернусь весной, береги себя». Он и сам всё знает.

И Снусмумрик забыл про Муми-тролля — просто взял и забыл.

Уже в сумерках он пришёл к длинному заливу, укрывшемуся в тени между скал. В самом конце залива горели ранние огни — там столпилось несколько домиков.

Снаружи, под дождём, никого не было.

В домиках жили Хемуль, Мюмла и Гафса, под каждой крышей обитал кто-то, кто решил остаться, кто-то из породы домоседов. Снусмумрик

проскользнул задворками и шмыгнул в тень — не хотелось ни с кем заводить разговор. Домá были большие и маленькие, сбившиеся в кучку, некоторые прижимались друг к дружке и перехватывали друг у друга желоба и мусорные баки, заглядывали в окна, пахли едой. Дымоходы и высокие фронтоны, колодезные журавли и тропинки, протоптанные от одной двери к другой. Снусмумрик ступал беззвучно и быстро и думал: «Эх, домá-домá. Как же мне вас жаль!»

Уже почти стемнело. В зарослях ольхи пряталась под серым брезентом Хемулева лодка. Чуть повыше лежали мачта, вёсла и руль. Они почернели и растрескались за много лет — никто никогда не брал их в руки. Снусмумрик встряхнулся и продолжил свой путь.

Маленький хомса услышал из-под Хемулевой лодки его шаги и затаил дыхание. Шаги постепенно удалились, и снова стало тихо, только ударялись о брезент дождевые капли.

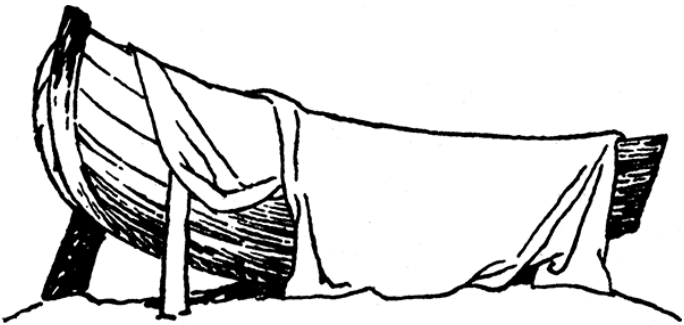
Последний дом стоял один-одинёшенек под тёмно-зелёной еловой стеной, за ним начиналась уже настоящая чаща. Снусмумрик ещё быстрее зашагал прямо к лесу. Дверь последнего дома приоткрылась, и стариковский голос спросил:

— Куда ты?

— Не знаю, — ответил Снусмумрик.

Дверь снова закрылась, и он ступил в свой лес, сулящий сотни миль тишины.

2



Шло время, шли дожди. Ни в одну осень не было ещё столько дождей. Все прибрежные долины превратились в болота из-за воды, сбегающей по горам и холмам, земля загнивала, вместо того чтобы сохнуть. Лето вдруг стало казаться таким далёким, будто его и не было никогда, а дорожки от дома к дому — куда длиннее, чем раньше, и каждый забивался поглубже в свою нору.

В самом дальнем углу Хемулевой лодки жил маленький хомса по имени Киль (имя его не имело ничего общего с лодочным килем, просто так совпало). Никто не знал, что он там живёт.

Раз в год, по весне, с лодки снимали брезент, смолили её и заделывали самые заметные трещины. Потом лодку снова накрывали брезентом и она оставалась ждать дальше. У Хемуля никогда не было времени на морские прогулки, да он и не умел ходить под парусом.

Хомса любил запах смолы, ему было важно, чтобы у него дома хорошо пахло. Ему нравился моток верёвки, который баюкал его в своих крепких объятиях, и несмолкающие звуки дождя. В большом, на вырост, пальто хомсе было тепло долгими осенними ночами.

Вечером, когда все расходились по домам спать, а залив утихал, хомса начинал рассказывать самому себе историю — всегда одну и ту же. Историю про счастливую семью. И рассказывал, пока не заснёт, а на следующий вечер мог продолжить с того же места или начать с начала.

Обычно он начинал с описания счастливой Муми-долины. Хомса медленно брёл по холмам, поросшим тёмными мхами и белыми берёзками. Становилось теплее. Он пытался вспомнить это чувство — когда лес внезапно превращается в дикий сад, залитый солнцем, и повсюду трепещут на летнем ветерке зелёные листья, и трава зеленеет вокруг и сверху, а на траве солнечные пятна,

и шмели жужжат, и чудесные запахи, и он всё идёт и идёт, пока не услышит, как бежит река.

Важно было ничего не менять: как-то раз он поместил свой счастливый дом прямо на реке, и это было ошибкой. На реке должен быть только мост с почтовым ящиком. Потом — кусты сирени и поленница Муми-папы, у них у всех особый запах — беспечности и лета.

Утро совсем раннее, тихо. Хомса уже различает шар синего стекла, который покоится на своей колонне в самом конце сада. Это Муми-папин стеклянный шар — самое прекрасное, что есть во всей долине. Он волшебный.

Хомса представлял высокую траву, пестрящую цветами. Он рассказывал себе о дорожках, вычищенных граблями, аккуратно выложенных ракушками и кусочками золота, и задерживался чуть подольше на солнечных пятнах — их он особенно любил. По его слову ветерок обдувал долину, пробегал по поросшим лесом холмам и снова стихал, уступая место тишине. Цвели яблони. Хомса помещал кое-где и яблоки и тут же собирал их, поднимал гамак, пересыпал жёлтые опилки у поленницы — и вот он уже почти рядом с домом. Клумба с пионами, веранда… Веранда в утреннем солнце именно такая, какой придумал её хомса: резные перила, жимолость, кресло-качалка, всё.

Хомса Киль никогда не заходил в дом, он ждал во дворе. Ждал, когда Муми-мама выйдет на веранду.

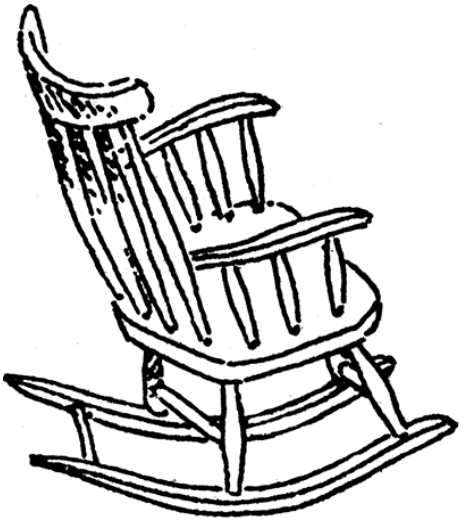
Увы, в этом месте хомса обычно и засыпал. Один-единственный раз он разглядел нос Муми-мамы в приоткрывшейся двери — круглый ласковый нос; Муми-мама и вся была кругленькая, как и положено мамам.

В этот вечер Киль снова отправился в долину. Он ходил этой дорогой сотни раз и с каждым разом волновался всё сильнее. Внезапно пейзаж заволокло серым туманом, а когда туман рассеялся, перед зажмуренными глазами хомсы осталась лишь темнота. Стучал по брезенту осенний дождь. Хомса попробовал вернуться в долину, но ничего не вышло.

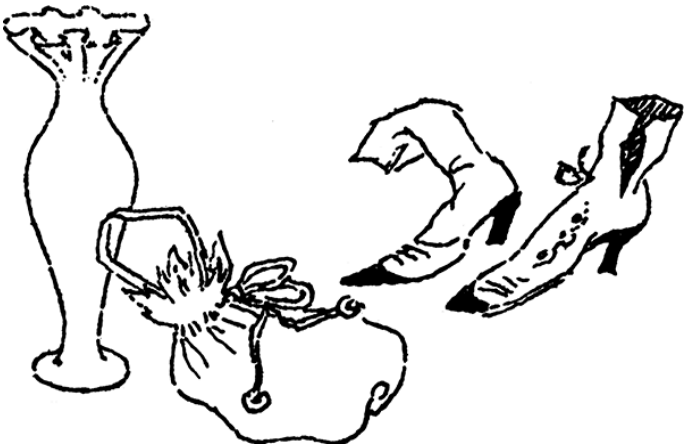
За последнюю неделю так случалось уже несколько раз, и каждый раз туман опускался чуть раньше. Вчера он застал хомсу возле поленницы, сегодня — ещё до кустов сирени. Хомса Киль свернулся покрепче в своём мотке верёвки и подумал: «Завтра я, наверное, не дойду даже до реки. Я разучился рассказывать дальше, всё опять возвращается к началу».

Хомса немного поспал. Проснувшись в темноте, он уже знал, что делать. Он вылезет из Хемулевой лодки, и найдёт долину, и поднимется на веранду, и откроет дверь, и расскажет всем, кто он такой.

Приняв решение, хомса Киль снова заснул и проспал всю ночь, не видя снов.



3



Как-то в ноябре, в четверг, дождь прекратился, и Филифьонка решила вымыть окна на чердаке. Она нагрела на кухне воды, капнула в лохань немножко мыла — самую капельку, — поднялась с лоханкой наверх, поставила её на стул и открыла окно. От оконной рамы отвалилось что-то маленькое и упало рядом с Филифьонкиной рукой. Оно было похоже на маленькую ватную турунду, но Филифьонка сразу поняла, что это:

отвратительный кокон с мерзкой белой личинкой внутри. Филифьонка вздрогнула и отдёрнула руку. Куда ни пойди, что ты ни делай — всюду на тебя наскакивают всякие ползучие и пресмыкающиеся! Она взяла тряпку, быстрым движением смахнула личинку и проследила, как та катится по крыше, подпрыгивает на краю и исчезает.

— Вот гадость, — прошептала Филифьонка, встряхивая тряпку. Потом она поставила лохань на подоконник и вылезла на крышу, чтобы промыть стёкла снаружи.

На ней были войлочные тапочки, и, едва ступив на покатую мокрую крышу, она поехала назад. Филифьонка не успела даже испугаться. Тощее её туловище мгновенно шатнулось вперёд, и одну головокружительную секунду она скользила по скату на животе, пока тапки не уткнулись в жёлоб на краю крыши. Вот теперь, лёжа на крыше, можно было бояться. Страх пронзил Филифьонку и чернильным привкусом защипал в горле. Она закрыла глаза, но всё равно видела далеко внизу землю, а подбородок так стиснуло ужасом, что она не могла даже закричать.

Да и кого было звать? Филифьонка наконец-то избавилась от всех своих родственников и докучливых знакомых. Теперь у неё было

полным-полно времени, чтобы блюсти в доме чистоту и одиночество и падать с крыши сколько влезет прямо в полный жуков и личинок сад.

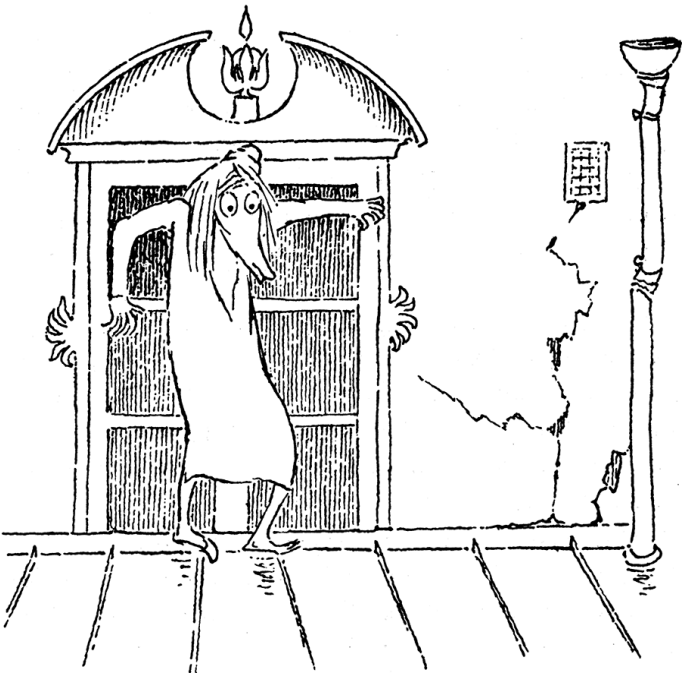
Филифьонка предприняла безнадёжную попытку вскарабкаться обратно, ноги задрожали на гладкой жести, и она съехала туда же, где и была, — наша сказка хороша, начинай сначала. Открытое окно хлопало на ветру, сад шелестел, время шло. На крышу упало несколько дождевых капель.

Потом Филифьонка вспомнила про громоотвод, который тянулся к чердаку на другой стороне дома. Она начала медленно-медленно двигаться по жёлобу, сначала сдвинула на чуть-чуть одну ногу, потом на чуть-чуть другую, с закрытыми глазами, прижавшись животом к крыше, она обползала свой большой дом по кругу и всё время помнила о том, что склонна к головокружениям и как это бывает, когда головокружение тебя настигнет. Наконец она нащупала под рукой громоотвод, вцепилась в него изо всех сил и всё так же медленно, всё ещё с закрытыми глазами, принялась подниматься ко второму этажу — и в целом мире не было ничего, кроме тонкого провода и прильнувшей к нему филифьонки.

Она ухватилась за узкий деревянный бортик,

который шёл вокруг чердака, подтянулась к нему и некоторое время лежала неподвижно. Понемногу она поднялась на четвереньки и подождала, пока утихнет в коленках дрожь, ни на секунду не задумавшись о том, что выглядит смешно. Потом, делая по одному шажку за раз, лицом к стене, пошла дальше. Одно закрытое окно, другое… Морда была слишком длинной и всё время мешала, волосы лезли в глаза и щекотались… Чихать нельзя, не то потеряешь равновесие. Нельзя смотреть, нельзя думать. Один тапок съехал с пятки, никому нет до меня дела, корсет куда-то сбился, и в любую ужасную секунду я могу…

Снова начался дождь. Филифьонка открыла глаза и увидела из-за плеча покатую крышу, её край, а за ним пустоту, и ноги вдруг снова ослабели, земля опрокинулась — приступ головокружения всё-таки настиг её. Он оторвал её от стены, деревянный бортик в руках сделался узким, точно серп, и мимо Филифьонки в мгновение ока пронеслась вся её филифьонская жизнь. Медленно-медленно начала она отклоняться назад, от сулящей безопасность стены, в позицию, которая грозила неминуемым падением, застыла в этой позиции на долю секунды — и качнулась обратно к стене.



Сделавшись кем-то незнакомым, маленьким и плоским, она двинулась дальше. Вот оно, окно.

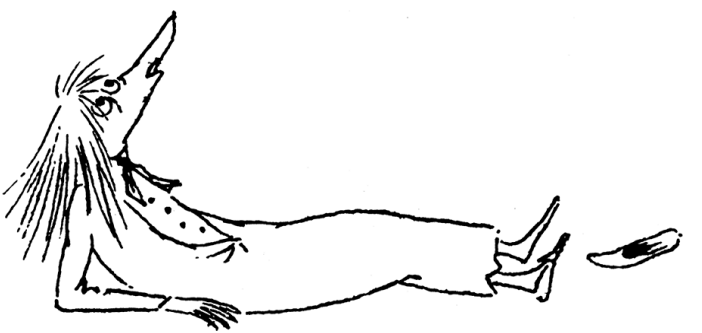
Ветер захлопнул его накрепко. Рамы ровные и гладкие, ни единого гвоздика. Филифьонка попробовала открыть окно шпилькой, но шпилька согнулась. За окном виднелись таз с мыльной водой и тряпка — кусочки мирной повседневной жизни, недосягаемый мир.

Тряпка! Она застряла между рамами… У Филифьонки забилось сердце — она увидела торчащий кусочек ткани, осторожно поймала его и медленно потянула… Только бы выдержала, пусть бы это была хорошая новая тряпка, а не та старая… Я никогда больше не буду беречь старые тряпки, ничего больше не стану беречь, буду тратить, я вообще перестану убирать в доме, я слишком много убираю, я такая зануда… Я перестану быть такой… такой филифьонкой, я стану другой… Так умоляла про себя Филифьонка, отчаянно и безнадёжно, потому что филифьонка, конечно же, не может сделаться никем иным, кроме самой себя.

И тряпка выдержала. Окно медленно приоткрылось и тут же распахнулось, подхваченное ветром, и Филифьонка ввалилась внутрь, в благословенную комнату, и лежала теперь на полу, в животе крутило, Филифьонке было очень плохо.

Над головой раскачивалась на ветру люстра, все кисточки абажура кружились на идеально

одинаковом расстоянии друг от друга, и у каждой на конце была маленькая жемчужная бусина. Филифьонка с интересом следила за кисточками, удивляясь, как это никогда их раньше не замечала. Да что там, она даже не замечала, что шёлковый абажур такого красивого красного цвета, похожего на закат. Даже потолочный крюк казался незнакомым и удивительным.



Филифьонке стало получше. Она задумалась о том, почему всё, что свисает с крюка, свисает именно вниз, а не в какую-нибудь другую сто-

рону. Вся комната изменилась, всё стало иным. Филифьонка подошла к зеркалу и посмотрелась в него. Нос с одной стороны весь исцарапан, волосы торчат, прямые и мокрые. Глаза тоже стали другими, подумать только, у меня есть глаза, которые видят, осознала вдруг Филифьонка, и как вообще это устроено — что мы видим?

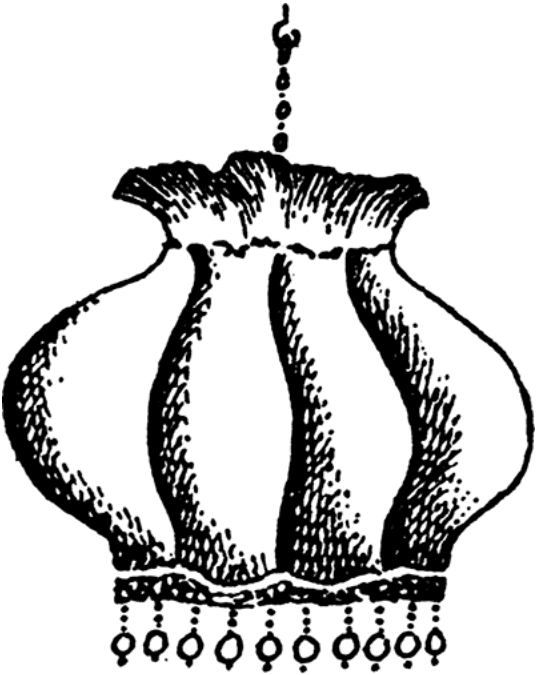
От дождя и всей прежней жизни, в секунду пролетевшей мимо, Филифьонку зазнобило, и она решила сварить кофе. Но, открыв кухонный шкафчик, она вдруг впервые осознала, как много у неё посуды. Ужасно много кофейных чашек. Бесконечные миски, блюда, стопки тарелок, сотни предметов и приборов, и всё для одной только филифьонки. Кому всё это достанется, когда она умрёт?

— Но я же не умираю, — прошептала Филифьонка и захлопнула шкафчик. Она бросилась в гостиную, наткнулась на мебель в спальне и выбежала обратно, метнулась в холл и раздёрнула занавески, поднялась на чердак — везде было одинаково тихо. Она оставила открытыми двери, распахнула платяной шкаф, увидела в углу саквояж и тут же поняла, что делать. Она пойдёт в гости. Ей нужна компания. Приятная компания, в которой ведут разговоры, в которой

все бегают туда-сюда и заполняют день, так что в нём не остаётся места для ужасных мыслей. Не какой-нибудь Хемуль или, упаси боже, Мюмла! Ей нужно муми-семейство. Давным-давно пора уже навестить Муми-маму. И решаться на это надо в подходящем настроении, и желательно побыстрее, чтобы не передумалось.

Филифьонка достала из шкафа саквояж и положила в него серебряную вазу в подарок Муми-маме. Вылила мыльную воду на крышу и закрыла окно. Высушила волосы, и накрутила их на бигуди, и выпила свой вечерний чай. Дом успокоился и снова сделался прежним. Вымыв чайник, Филифьонка вынула из саквояжа серебряную вазу и положила вместо неё фарфоровую. И зажгла люстру, потому что с дождём пришли ранние сумерки.

«Что это на меня нашло? — подумала Филифьонка. — Этот абажур вообще не красный. Он скорее коричневый. Но я всё равно пойду в гости».



4

Шла уже поздняя осень. Снусмумрик продвигался к югу, иногда он ставил палатку и давал времени течь, как тому вздумается, он шагал куда глаза глядят и глядел по сторонам, без мыслей, без воспоминаний, и много спал. Он остался внимательным, но утратил любопытство, и ему

было всё равно, куда идти, — главное идти.

Лес отяжелел от дождя, и деревья стояли неподвижно. Всё сделалось увядшим и безжизненным, но возле самой земли прорастал тайный осенний сад, с отчаянной силой выбирался он из гниющей почвы — блестящая, разбухшая от воды странная растительность, не имеющая ничего общего с летом. Голые стебли черники подёрнулись желтизной, а клюква алела, точно кровь. Привыкшие прятаться мхи и лишайники пошли в рост, они расстилались широким мягким ковром, обещающим укрыть весь лес. Повсюду возникали новые решительные цвета, повсюду на земле горели упавшие ягоды рябины. Только папоротник чернел.

Снусмумрику хотелось сочинить песню. Он дождался, пока желание сделается нестерпимым, и как-то вечером вытащил со дна рюкзака губную гармошку. В августе, в Муми-долине, он подхватил где-то пять тактов — явное и несомненное начало мелодии. Они пришли сами по себе, так, как и приходят обычно, если им не мешать. И вот настал подходящий момент взяться за них и превратить в песню дождя.

Снусмумрик ждал. Прислушивался. Пять тактов не возвращались. Он ждал и ждал, ничуть

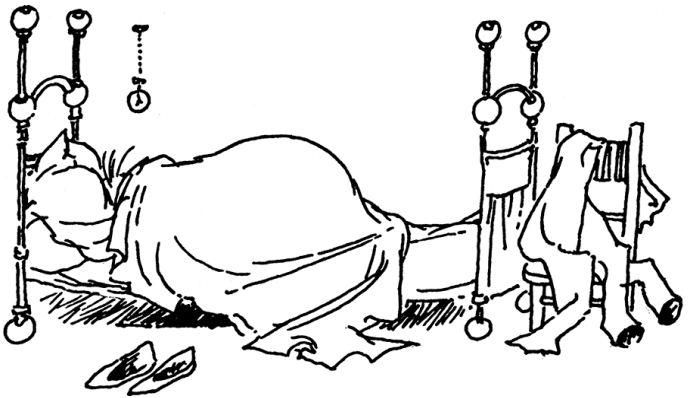
не тревожась, — он ведь знал, как это обычно бывает с мелодиями. Но так ничего и не услышал, кроме тихого шелеста дождя да журчания воды. Понемногу совсем стемнело. Снусмумрик взял было трубку, но вдруг остановился. Его пять тактов остались в Муми-долине, и только там можно будет повстречаться с ними снова.

Есть миллионы мелодий, которые легко поймать, и всегда найдутся новые. Но пусть летят, куда им вздумается, — это чужие песни лета. Снусмумрик заполз в палатку, в спальник, и натянул на голову капюшон. Шелест и журчание не изменились — это был всё тот же ровный звук совершенства и одиночества. Но что тебе до него, если ты не можешь сочинить песню дождя.

5

Хемуль проснулся, вспомнил, кто он, и пожалел, что он не кто-нибудь другой. Он чувствовал себя ещё более усталым, чем когда ложился, а впереди был новый день, который будет тянуться до вечера, а за ним следующий, и ещё один, и все одинаковые — именно такими и бывают у хемулей дни.

Хемуль заполз под одеяло, и уткнулся носом в подушку, и передвинулся животом на край кровати, на прохладную сторону. Он катался по кровати, раскинув руки и ноги, и ждал приятных снов, но те не шли. Он свернулся комочком, но и это не помогло. Он представлял себя хемулем, которого все любят, и беднягой, которого никто не любит. Но на самом деле он как был, так и остался хемулем, которому никак не удавалось сделать ничего хорошего, хоть он старайся изо всех сил. В конце концов он встал и натянул штаны.



Хемуль не любил одеваться и раздеваться, от этого ему начинало казаться, что дни проходят, не принося с собой ничего значимого. И всё же он не прекращал с утра до вечера организовывать, контролировать и устанавливать правила! Все вокруг жили как попало, без правил, без планов, и всюду, куда ни глянь, обнаруживалось что-нибудь нуждающееся в исправлении, и Хемуль не щадя живота бросался учить остальных, как поступить правильно.

«Как будто даже не хотят, чтобы получилось хорошо», — мрачно раздумывал Хемуль, чистя зубы. Он взглянул на фотографию — он и его парусная лодка во время спуска на воду. Фото было отличное, но Хемуль сделался ещё мрачнее.

«Надо мне всё же научиться ходить под парусом, — подумал Хемуль. — Но у меня совершенно нет времени…»

Внезапно Хемуль осознал, что ничего, в общем-то, не делает, кроме как передвигает вещи с места на место или даёт указания, куда их передвинуть, и в этот момент истины он задумался: а что случится, если просто оставить всё как есть?

— Да ничего, наверное, не случится, обо всём позаботится кто-нибудь другой, — сказал Хемуль сам себе, ставя зубную щетку в стакан. Он удивился и даже немного испугался того, что сказал, по спине пробежал холодок, точь-в-точь как под Новый год, когда часы бьют двенадцать. А спустя мгновение он подумал: «Но тогда мне придётся ходить под парусом…» Хемулю вдруг стало очень нехорошо, и он поспешил прилечь.

«Ничего не понимаю, — подумал бедняга Хемуль. — Что это я такое сказал? Есть вещи, о которых вообще не стоит думать. Не стоит придумывать лишнего».

Он отчаянно пытался представить хоть что-нибудь, что прогонит его утреннюю меланхолию, он искал, искал, и постепенно ему на ум пришло одно далёкое и приятное летнее воспоминание. Хемуль вспомнил Муми-долину. Он был там когда-то давным-давно, но один момент запомнил очень хорошо: комнату для гостей с южной стороны дома и как приятно там было просыпаться по утрам. Окно открыто, лёгкий ветерок покачивает белую занавеску, оконная створка тихонько постукивает на ветру… По потолку разгуливает муха. И никуда не нужно спешить. На веранде ждёт кофе, все дела сделаны, всё так просто и улаживается само собой.

Там ещё было какое-то семейство, но его Хемуль помнил не особенно отчётливо, семейство хлопотало туда-сюда по своим делам, дружески-неопределённо — семейство, да и всё. Муми-папу Хемуль помнил чуть лучше, чем остальных, папу и его лодку. И мостки. Но больше всего ему помнилось, каково это — с радостью просыпаться по утрам.

Хемуль поднялся с кровати, взял зубную щётку и сунул её в карман. Вся хворь улетучилась, он чувствовал себя совершенно новым хемулем.

Никто не видел, как Хемуль пустился в путь,

без чемодана, без зонтика, не попрощавшись ни с кем из соседей.

Хемуль не имел привычки к прогулкам по пересечённой местности. Несколько раз он сбивался с пути, но это его не обеспокоило и не расстроило.

«Никогда раньше я не терялся, — подумал он весело. — Никогда не промокал насквозь!»

Хемуль замахал руками и почувствовал себя парнем из песни, в одиночестве бредущим под дождём за тысячу миль от дома, диким и свободным.

Хемуль был в прекрасном настроении! И скоро можно будет выпить горячего кофе на веранде.

Примерно за километр с востока от долины Хемуль спустился к реке. Он задумчиво посмотрел на тёмную бегущую воду и пришёл к мысли, что жизнь похожа на реку. Кто-то плывёт по ней медленно, кто-то быстро, а кто-то и вовсе переворачивается. «Надо рассказать об этом Муми-папе, — серьёзно подумал Хемуль. — Мне кажется, это совершенно новая мысль. Подумать только, как легко сегодня приходят мысли и каким всё стало простым. Стоило только выйти за дверь — и дело в шляпе! Может, я ещё спущу лодку на воду и отправлюсь в моря. Пожму руку штурвалу… Пожму руку штурвалу», — повторил Хемуль и почувствовал себя до боли счастливым. Он затянул ремень на круглом брюшке и пошёл дальше вдоль русла реки.

Когда Хемуль добрался до места, долина оказалась подёрнута серой завесой дождя. Он прошёл прямо в сад и недоумённо остановился. Что-то было не так. Всё как раньше, и всё-таки не совсем. Сухой лист слетел с дерева и прилип к носу.

— Вот глупо-то! — воскликнул Хемуль. — Сейчас ведь не лето, а? Сейчас осень.

Отчего-то Муми-долина всё время представлялась ему летней.

Он подошёл поближе к дому, остановился у

веранды и попробовал спеть йодлем. Йодль не получился. Тогда он крикнул:

— Хей-хо! Ставьте чайник!

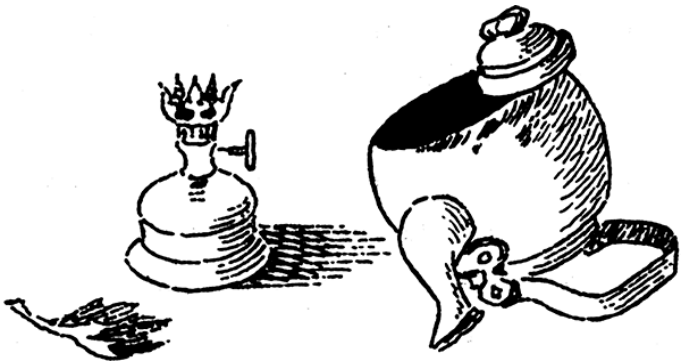
Ничего не произошло. Хемуль снова крикнул и ещё подождал.

«Дай-ка я их разыграю», — решил Хемуль. Он поднял воротник, натянул на глаза шляпу, возле бочки с водой нашёл грабли и угрожающе воздел их над головой. Потом он взревел:

— Именем закона, откройте!

Хемуль ждал, тихо трясясь от смеха. Дом молчал. Дождь усилился, он поливал и поливал Хемуля, и во всей долине не слышно было ничего, кроме шума дождя.

6



Хомса Киль не заблудился, хотя никогда раньше не бывал в Муми-долине. Путь был неблизкий, а ноги у хомсы коротенькие. Повсюду попадались глубокие лужи, болота и большие деревья, поваленные старостью или бурей. На вздымающихся в воздух корнях громоздились комья земли, а под ними блестели чёрные озерца. Хомса обходил их подальше, обходил все болота до единого и каждую ямку с водой, но ни разу не сбился с пути. Он был счастлив оттого, что знал, чего хочет. И пахло в лесу хорошо, даже лучше, чем у Хемуля

в лодке.

От самого Хемуля пахло старыми бумагами и беспокойством. Это Хомса помнил. Хемуль как-то приходил постоять возле лодки; он вздохнул и слегка приподнял брезент, а потом ушёл своей дорогой.

Дождь перестал, но на лес опустился туман, было очень красиво, туман густел там, где холмы спускались в Муми-долину, и лужицы понемногу превращались в ручейки, а ручейков становилось всё больше и больше. Хомса шёл среди сотен ручейков и водопадов, которые бежали туда же, куда и он.

Долина была уже рядом — вот он и дошёл. Он узнавал берёзы — стволы были белее, чем в других долинах. Всё светлое было светлее, а тёмное темней. Хомса Киль старался идти как можно тише и очень-очень медленно. Он прислушивался. В долине кто-то колол дрова. Значит, папа заго-

тавливает дрова на зиму. Хомса пошёл ещё тише, лапы едва касались мха. Перед ним открылась река, и вот они — мост и дорога.

Папа перестал колоть дрова, и теперь слышен только шум бегущей реки, в которую собрались все ручейки и ручьи, чтобы вместе спешить дальше, к морю.

«Я пришёл», — подумал хомса.

Он перешёл мост и оказался в саду, сад был таким, как он себе и рассказывал, просто не мог быть иным. Деревья стояли окутанные ноябрьским туманом, но на миг они вдруг подёрнулись зеленью, на лужайке заплясали солнечные пятна, и хомса почувствовал беспечный и ласковый запах сирени.

Он пропрыгал всю дорогу до дровяного сарая, и там на него нахлынул другой запах — запах старых бумаг и беспокойства. На ступеньках сарая сидел Хемуль с топором. На острие виднелась зазубрина — Хемуль попал им по гвоздю. Хомса остановился.

«Это Хемуль, — подумал он. — На вид точно он».

Хемуль поднял глаза.

— Привет, — сказал он. — А я думал, это Мумипапа. Ты не знаешь, куда все подевались, а?

— Нет, — ответил хомса.

— В этих дровах полно гвоздей, — пояснил Хемуль, демонстрируя топор. — Старые доски просто кишат гвоздями! — Хемулю приятно было с кем-то поговорить. — Я зашёл сюда забавы ради, — продолжал он. — Решил заскочить к старым друзьям. — Хемуль усмехнулся и отнёс топор в сарай. — Слушай, хомса, — сказал он. — Тащи это всё в кухню на просушку и складывай по очереди то так, то вот эдак, а я пойду пока сварю кофе. Кухня справа, за домом.

— Я знаю, — кивнул хомса.

Хемуль пошёл к дому, а хомса принялся таскать дрова. Он чувствовал, что Хемуль колол их хоть и неумело, но с удовольствием. От брёвен хорошо пахло.

Хемуль внёс в гостиную поднос с кофе и поставил на овальный столик красного дерева.

— Утром кофе обычно пьют на веранде, — сказал он. — Но для гостей накрывают в гостиной, особенно для тех, кто здесь в первый раз.

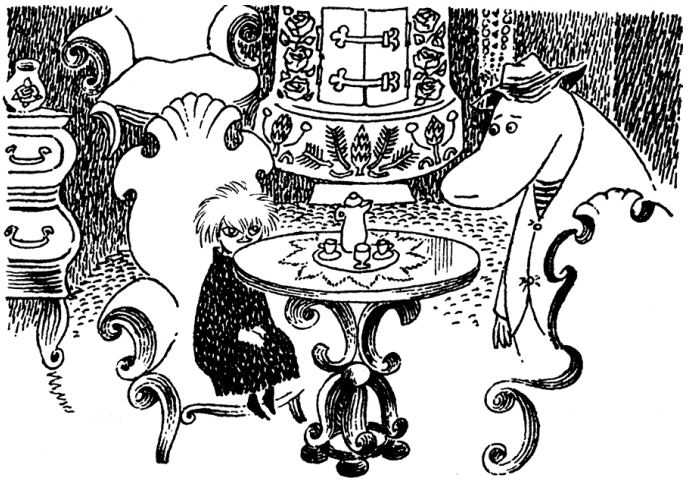
Стулья были обиты тёмно-красным бархатом, и у каждого на спинке кружевная салфетка. Хомса боязливо оглядывал красивую, взрослую комнату. Он не решался сесть, мебель была слишком шикарная. До самого потолка высилась израз-

цовая печь — на изразцах сосновые шишки, верёвочка от вьюшки расшита жемчужными бусинами, латунные заслонки блестят. Блестел и комод, и на каждом ящике красовалась позолоченная ручка.

— Ну что же ты не садишься? — сказал Хемуль.

Хомса присел на краешек стула, он не отводил глаз от фотографии на комоде. С фотографии смотрело покрытое серой шерстью существо с сердитыми, близко посаженными глазами и с хвостом. У существа была очень широкая морда.

— Это их предок, — объяснил Хемуль. — С тех времён, когда они ещё жили за печью.



Хомса перевёл взгляд на лестницу, ведущую в пустую темноту второго этажа, вздрогнул и сказал:

— А может, на кухне потеплее?

— Наверное, ты прав, — согласился Хемуль. — На кухне будет поуютнее.

Он снова подхватил поднос, и они покинули

одинокую гостиную.

Весь день они не заводили разговора об уехавшем семействе. Хемуль бродил по саду, сгребал листья и болтал о чём в голову взбредёт, а хомса ходил за ним следом, собирал листья в корзину и почти ничего не говорил.

Раз Хемуль остановился посмотреть на папин синий шар.

— Садовое украшение, — сказал он. — Когда я был маленьким, такие покрывали серебром.

И снова принялся сгребать листья.

Хомса Киль не стал смотреть на шар. Чтобы посмотреть, надо было остаться одному. Стеклянный шар — сердце долины и всегда отражает её обитателей. Если кто-то из семейства здесь, поблизости, он обязательно покажется в стеклянной синеве.

В сумерках Хемуль пришёл в гостиную и завёл папины часы. Сначала они начали бить как сумасшедшие, быстро и неровно, а потом пошли. Теперь, когда часы стучали спокойно и размеренно, комната преобразилась, стала живой. Хемуль взялся за барометр, большой барометр в тёмном, украшенном орнаментом корпусе красного дерева, постучал по нему, и барометр показал

«переменчиво». Хемуль вошёл в кухню и сказал:

— Ну вот, жизнь налаживается. Зажжём-ка новый огонь и сварим свежего кофе, а?

Он зажёг кухонную лампу и нашёл в кладовке сухарики с корицей.

— Настоящие корабельные сухари, — сказал он. — Сразу вспомнилась моя лодка. Ешь, хомса. Больно уж ты худой.

— Спасибо, — сказал хомса.

Хемуль был в приподнятом настроении, он наклонился над кухонным столом и сказал хомсе:

— У неё обшивка внакрой. Спустить лодку на воду по весне — что может с этим сравниться?

Хомса поболтал сухариком в кофе и ничего не сказал.

— Ждёшь не дождёшься, — продолжал Хемуль. — А потом наконец поднимаешь паруса и отправляешься в плавание.

Хомса глянул на Хемуля из-под бровей и наконец сказал:

— Угу.

Хемулю вдруг стало тревожно и одиноко — слишком пусто было в доме. Он сказал:

— Не всегда выходит делать то, что хочется. Ты знал их?

— Да, маму, — ответил хомса Киль. — Осталь-

ных как-то мельком.

— Да-да, и я так же, — воскликнул Хемуль, довольный тем, что хомса наконец заговорил. — Никогда к ним особенно не присматривался, они просто мелькали, ну, ты понимаешь… — Хемуль поискал подходящее слово и неуверенно продолжил: — Они были как что-то, что есть всегда, если ты понимаешь, что я хочу сказать… Как деревья или вещи…

Хомса снова ушёл в себя. Спустя мгновение Хемуль поднялся и проговорил:

— Похоже, пора и на боковую. Завтра будет новый день.

Он поколебался. Красивая летняя картинка с южной гостевой комнатой растаяла, теперь он видел лишь лестницу, которая уходила во тьму второго этажа, к необитаемым комнатам. Хемуль решил спать в кухне.

— Пойду подышу, — пробормотал Киль.

Он закрыл за собой дверь и остановился на крыльце. Было прохладно. Хомса подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и медленно направился к саду. Яркая синева проступила в ночи, хомса подошёл и заглянул в стеклянный шар, глубокий, как море, по нему пробегала обманчивая зыбь. Хомса вглядывался, вглядывался и

терпеливо ждал. Наконец в самой глубине синевы показалась маленькая светящаяся точка. Она то вспыхивала, то пропадала и снова пропадала и вспыхивала через равные промежутки времени, как маяк.

— Как же они далеко, — подумал Киль.

Холод подкрался к лапам, но хомса всё стоял и смотрел на возникающий и гаснущий свет, слабый, едва-едва различимый. И чувствовал, что его обманули.

Хемуль стоял на кухне с лампой в лапе и думал, как неохота искать какой-то матрас, потом выбирать для него место, раздеваться и смиряться с тем, что очередной день опять сменяется ночью. «Как же это так вышло? — с удивлением подумал он. — Я ведь целый день радовался. Это было так просто… Но как?»

Пока Хемуль стоял так и изумлялся, дверь, ведущая на веранду, открылась, кто-то вошёл в гостиную и уронил стул.

— Ты что там делаешь? — спросил Хемуль.

Никто не ответил.

Хемуль зажёг лампу и крикнул:

— Кто тут есть?

И чей-то очень старый голос загадочно отозвался:

— А вот этого я тебе и не скажу!

7

Он был очень старый и легко забывал. Тёмным осенним утром он проснулся, забыв, как его зовут. Забывать чужие имена было грустно, а суметь забыть своё собственное оказалось даже приятно.

Он не заставил себя вставать с постели, целый день позволял новым мыслям и образам приходить и уходить как им вздумается, ненадолго

засыпал, снова просыпался и совершенно не знал, кто он. Это был безмятежный и очень занятный день.

К вечеру он попытался найти себе какое-нибудь имя, чтобы встать. Дед-сто-лет-в-обед? Старопень, Староум? Ничьё-старичьё? Староброд?

Их было очень много — тех, которых ему представляли и которые тут же утрачивали свои имена. Они приходили по воскресеньям. Выкрикивали вежливые вопросы, потому что никак не могли запомнить, что он не глухой. Старались говорить как можно проще, чтобы он лучше понял. Говорили «спокойной ночи» и уходили по домам, и пели там, и плясали, и играли музыку до следующего утра. Родственники.

— Я — Староум, — торжественно прошептал он. — И сейчас я встану и забуду про всех родственников на свете.

Большую часть ночи Староум просидел возле окна, глядя во тьму, он привык ждать. Кто-то прошёл мимо его дома прямо в лес. Какое-то окно отразилось в воде на той стороне залива. Может, празднуют, а может, и нет. Ночь медленно шла мимо, а Староум ждал, чего же ему захочется.

И в какой-то миг он разглядел в утреннем сумраке, что хочет отправиться в долину, где бывал

когда-то давным-давно, а может, даже и не бывал, а только слышал, как кто-то о ней рассказывал или читал. Да это всё равно. Важнее всего в этой долине был родник А может, целый ручей? Но уж точно не река. Староум решил, что это был ручей, ручьи нравились ему гораздо больше, чем реки. Быстрый прозрачный ручей, а он сидел на мосту и болтал ногами и смотрел на рыбёшек, которые плавали друг за дружкой. Никто не спрашивал, не пора ли ему прилечь. Не спрашивал, как он себя чувствует, тут же переводя разговор на другое и не давая сообразить, чувствует он себя хорошо или плохо. Там всю ночь играли и пели, и Староум последним уходил домой поутру.

Староум не сразу пустился в путь. Он знал, как это важно — отсрочить долгожданное, и помнил, что путешествие в неизведанное необходимо подготовить и обдумать.

Много дней бродил Староум по холмам вокруг длинного тёмного залива, всё глубже погружаясь в забвение, и чувствовал, что долина становится с каждым днём ближе и ближе.

Последние красные и жёлтые листья отрывались от своих деревьев и прыгали у ног, куда бы он ни пошёл (ноги у Староума всё ещё были очень крепкие), и иногда он останавливался и подни-

мал какой-нибудь красивый лист за черенок и говорил сам себе: «Это клён. Этого я не забуду». Староум отлично знал, что́ хочет сохранить в памяти.

В эти дни ему удалось забыть чрезвычайно много. Каждое утро он просыпался, охваченный одним и тем же таинственным ожиданием, и поскорее начинал забывать, чтобы ещё немного приблизить долину. Никто не мешал ему и не пытался напомнить, кто он такой.

Староум нашёл под кроватью корзинку и сложил туда все лекарства и маленькую бутылочку коньяка на случай, если заболит живот. Намазал шесть бутербродов и разыскал свой зонтик. Он готовился сбежать и планировал побег.

За годы на полу у Староума скопилось множество вещей — тех бесчисленных, которые не стоит труда поднимать, и всегда найдётся причина, чтобы оставить их валяться. Все они были разбросаны по полу, как острова, как целый архипелаг потерянных бесполезных вещей, Староум привычно перешагивал и обходил их, и благодаря им ежедневные блуждания по комнате превращались в увлекательный и одновременно знакомый и успокаивающий маршрут. Теперь Староум решил, что они ему больше не нужны.

Он взял метлу и устроил в комнате ураган. Все объедки, потерянные тапки, хлопья пыли, закатившиеся таблетки, забытые списки того, что нужно не забыть, ложки и вилки, кнопки и нераспечатанные письма он смёл в большую кучу. Из её недр он выбрал восемь пар очков, сложил их в свою корзинку и подумал: «Пригодятся смотреть на новую жизнь».

Теперь долина была уже близко, уже практически за углом, и он чувствовал, что ещё не воскресенье.

В пятницу или субботу Староум покинул дом и, разумеется, не мог не оставить прощального письма. «Я ухожу и прекрасно себя чувствую, — написал он. — Я слышал всё, что вы говорили все эти сто лет, потому что я вовсе не глухой и знаю, что вы всё время что-нибудь праздновали». Без подписи.

После этого Староум надел халат и гамаши, взял свою корзинку, открыл дверь и снова закрыл, оставив позади сотню лет, и силой своего желания и нового имени выдвинулся прямо на север, к счастливой долине, и никто на берегу залива не знал о его уходе. Красные и жёлтые листья вились вокруг его головы, а вдалеке среди холмов поднялся новый осенний дождь, чтобы смыть

остатки того, о чём он не хотел вспоминать.

8

Филифьонкин визит в Муми-долину слегка откладывался, потому что она никак не могла определиться: надо ли перед отъездом вывести моль? Война с молью — дело серьёзное: предстоит проветривать, чистить и всё такое, не говоря уж о шкафах — их придётся отмывать с мылом и содой. Но едва только Филифьонка касалась

щётки или тряпки, её начинало мутить, а из живота поднимался к горлу всепоглощающий ужас. Нет, она не сможет сейчас заниматься уборкой. Хватит с неё и окна.

«Но ведь так нельзя! — подумала бедная Филифьонка. — Моль сожрёт всё, что у меня есть!»

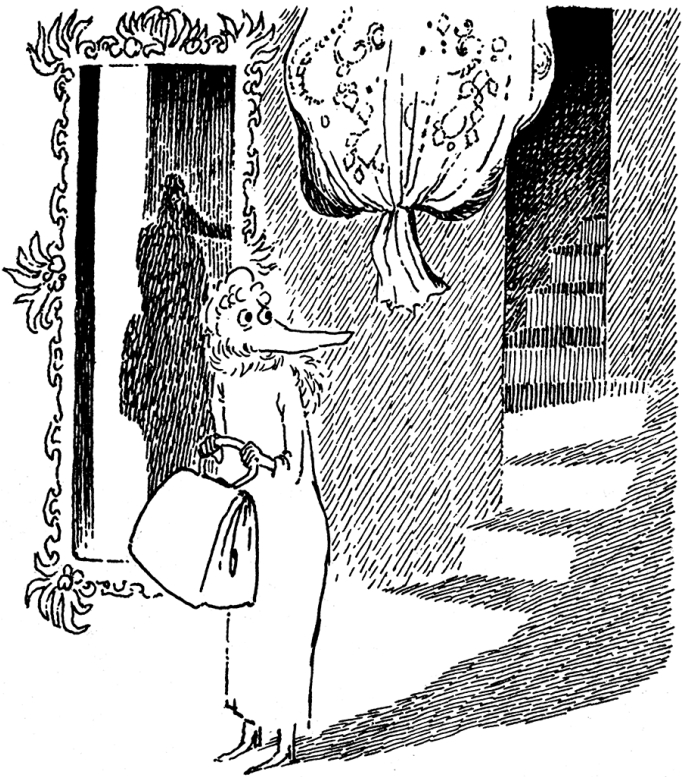
Неизвестно, сколько времени она проведёт в Муми-долине. Если ей там не понравится, довольно будет и пары дней. Но если там окажется хорошо, визит может затянуться хоть на целый месяц. А если её не будет месяц, вся одежда к её возвращению будет кишеть молью и прочими клопами. Филифьонка с ужасом представила, как эти твари вгрызаются в её платья и ковры — а уж как они обрадуются, когда доберутся до лисьего боа!

В конце концов Филифьонка так утомилась от собственной нерешительности, что просто схватила саквояж, намотала лисье боа на шею, закрыла дверь на замок и отправилась в путь.

Муми-долина была относительно недалеко, но когда Филифьонка добралась до места, саквояж уже весил целую тонну, а сапоги немилосердно жали. Она поднялась на веранду и постучала, подождала немного и прошла в гостиную.

Филифьонка сразу заметила, что в доме давно

не убирали. Она сняла хлопчатобумажную перчатку и провела пальцем по фризу изразцовой печи. На сером осталась белая полоса. «Быть не может, — прошептала Филифьонка, дрожа от возбуждения. — Просто взять и по своей воле перестать прибираться!» Филифьонка опустила чемодан на пол и подошла к окну. Тоже грязное, от дождя на стекле длинные печальные полосы. И только заметив снятые шторы, Филифьонка заподозрила, что семейства, возможно, нет дома. Увидела, что хрустальная люстра обёрнута тюлем. Изо всех углов на неё вдруг повеяло холодом нежилого дома, и она почувствовала, что её жестоко обманули. Она открыла саквояж, достала фарфоровую вазу — подарок Муми-маме — и поставила её на стол. Теперь ваза стояла там немым упрёком. Было ужасно тихо.



Филифьонка бросилась на второй этаж. Там оказалось ещё холоднее — неподвижный холод летнего дома, оставленного зимовать в одиночестве. Она открывала одну дверь за другой, и везде царили пустота и полумрак (рулонные шторы были опущены), Филифьонке становилось всё тревожнее, и она принялась открывать шкафы, попыталась открыть шифоньер, но он оказался заперт на замок, и тут она совершенно потеряла разум и заколотила в шифоньер обеими руками, потом метнулась на чердак и распахнула дверь.

Там сидел маленький хомса, он испуганно уставился на Филифьонку, прижимая к себе большую книгу.

— Где они? Где они? — закричала Филифьонка.

Хомса выронил книгу и попятился к стене, но, уловив незнакомый тревожный запах, понял, что

Филифьонка не опасна. От Филифьонки пахло страхом. И он ответил:

— Не знаю.

— Но я же пришла их навестить! — воскликнула Филифьонка. — Принесла подарок! Очень красивую вазу. Как они могли просто взять и уехать, не сказав ни слова!

Маленький хомса покачал головой, не сводя с неё глаз. Филифьонка прикрыла дверь и ушла.

Хомса Киль заполз обратно в расстеленную на полу рыбацкую сеть, вырыл ямку поудобнее и снова стал читать. Это была большая толстая книга без начала и конца, с пожелтевшими страницами, крысы объели их по краям. Хомса не привык читать и подолгу одолевал каждую строчку. Он всё ещё надеялся, что книга расскажет ему, почему семейство отправилось в путешествие и где они все теперь. Но книга была совсем о другом — о странных животных и подводных пейзажах, и в ней не было ни одного знакомого имени. Хомса никогда раньше не слышал о том, что в морских глубинах живут радиолярии и последние нуммулиты. Один из этих нуммулитов не походил на остальных своих родственников, у него были черты, присущие ночесветке, так что со временем он перестал походить на кого-

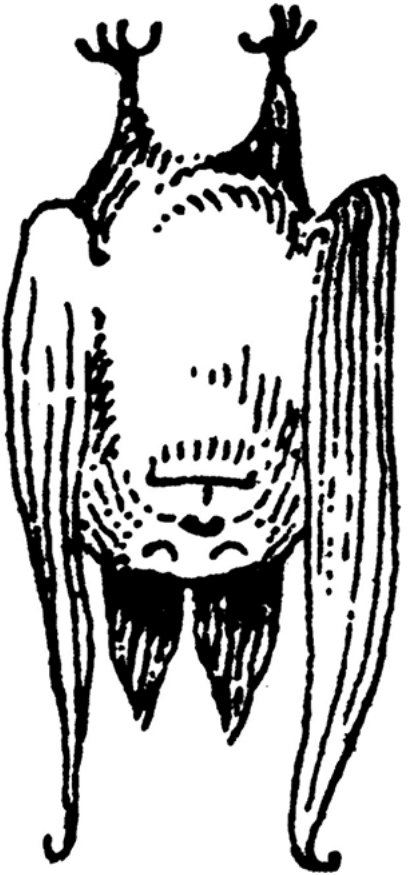
либо, кроме самого себя. Он был, судя по всему, очень маленький и от страха всё уменьшался и уменьшался.

«Никакое удивление не будет достаточным в отношении уникальных изменений, произошедших с этой группой простейших. Причины этого невероятного развития находятся за границами возможной оценки, но у нас есть основания предполагать, что электрический заряд был одним из определяющих условий выживания. Электромагнитные бури были в тот период крайне распространённым явлением. Возникшие после ледникового периода горные хребты, описанные нами выше, постоянно подвергались их воздействию, а находящееся поблизости море приобретало заряд посредством штормов».

Хомса выпустил книгу из лап. Он не очень понимал, о чём там речь, и предложения были такие длинные. Но в странных словах была своя красота, к тому же у него никогда в жизни не было собственной книги. Хомса спрятал её под сеть, лёг неподвижно и задумался. Со сломанного чердачного окошка свисала, спя вниз головой, летучая мышь.

Из сада послышался голос Филифьонки, она обнаружила Хемуля.

Хомсу Киля всё больше клонило в сон. Он попробовал было углубиться в свою историю о счастливом семействе, но ничего не вышло. И тогда он рассказал себе об одиноком животном, маленьком нуммулите, у которого были черты ночесветки и который любил электричество.



9

Мюмла шла через лес и думала: «Как замечательно быть мюмлой! Я чувствую себя превосходно до самых кончиков пальцев».

Ей нравились её собственные длинные ноги в красных сапожках. Голову венчал гордый мюмлетный пучок, гладкий, тугой и золотистый, как маленькая луковка. Она шла через болота, по горам, мимо глубоких впадин, которые превратились от дождей в зелёный подводный пейзаж, шла легко и время от времени подпрыгивала,

чтобы ощутить, до чего она тонкая и лёгкая.

Мюмле захотелось повидать младшую сестрицу Мю, которую давным-давно удочерило Муми-семейство. Малышка Мю представлялась ей такой же деловой и вредной, как раньше, и по-прежнему умещалась в корзинке для шитья.

Когда Мюмла дошла до долины, Староум рыбачил проволочной корзинкой с моста. На нём был длинный домашний халат, гамаши и шляпа, а над всей этой красотой он держал зонтик. Мюмла никогда не видела Староума вблизи и сейчас принялась разглядывать его внимательно и с явным интересом. Он был очень маленький.

— Знаю я, кто ты такая, — сказал Староум. — А я — Староум, и всё тут! И я знаю, что у вас был праздник, потому что в окнах всю ночь горел свет!

— Думай себе что хочешь, — беззаботно ответила Мюмла. — Ты не видел малышку Мю?

Староум вытянул свою корзинку. В ней было пусто.

— Не кричи! — прикрикнул Староум. — Я и так прекрасно слышу, а у меня из-за тебя все рыбы разбегутся.

— Они отсюда давно разбежались, — сказала Мюмла и запрыгала дальше.

Староум фыркнул и забился поглубже под зонтик. Его ручей всегда кишел рыбой. Он посмотрел в коричневую воду, которая катилась под мостом бурным сверкающим потоком, несла с собой тысячи полузатопленных мелочей, проплывающих мимо и пропадающих, всё время мимо и всё время прочь… У Староума заболели глаза, он

зажмурился, чтобы увидеть свой собственный ручей, прозрачный ручей с песчаным дном и шустрыми блескучими рыбками…

«Что-то тут не так, — с беспокойством подумал Староум. — С мостом всё в порядке, это настоящий мост. А вот я сам какой-то другой…»

Мысль ускользнула, и он заснул.

Филифьонка сидела на веранде, завернув ноги в одеяло, с таким видом, будто вся долина принадлежит ей и она не особенно довольна этим обстоятельством.

— Привет, — сказала Мюмла. Она сразу заметила, что дом пуст.

— Доброго дня, — ответила Филифьонка тем равнодушно-любезным тоном, которым обычно разговаривала с мюмлами. — Они уехали. Не сказав ни слова. Спасибо хоть двери не заперли!

— Они никогда не запирают, — ответила Мюмла.

— Запирают, — прошептала Филифьонка, доверительно наклоняясь поближе. — Ещё как запирают. Шифоньер наверху закрыт на замок! Судя по всему, там они хранят сокровища, которыми больше всего дорожат!

Мюмла внимательно оглядела Филифьонку, её испуганные глаза, застывшие кудряшки — все до

единой с заколками, боа из лисы, вцепившейся в собственный хвост. Филифьонка неисправима. По длинной садовой аллее к ним приближался Хемуль — он сгребал листья. За ним прыгал маленький хомса и собирал листья в корзину.

— Привет, — сказал Хемуль. — Выходит, и ты здесь.

— Кто это? — спросила Мюмла.

— Я принесла подарок, — проговорила Филифьонка за её спиной.

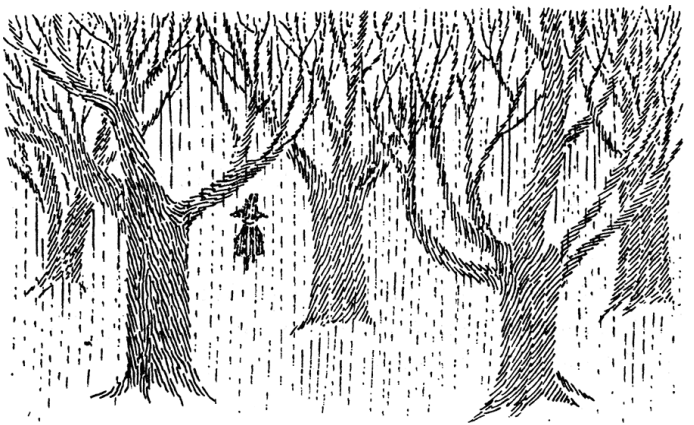
— Один хомса, — ответил Хемуль. — Помогает мне в саду.

— Прекрасную фарфоровую вазу для Муми-мамы, — сурово продолжала Филифьонка.

— Ага, — сказала Мюмла. — А ты сгребаешь листья.

— Надо немножко навести порядок, — кивнул Хемуль.

— Нельзя трогать палые листья, — взвизгнула вдруг Филифьонка. — Это опасно! Они гнилые! — Она сбежала с веранды, взмахнув одеялом. — В них бактерии! — кричала она. — Червяки! Гусеницы! Насекомые! Не прикасайтесь к ним!



Хемуль продолжал махать граблями. Наморщив упрямую и невозмутимую морду, он повторил невинно:

— Я навожу порядок для Муми-папы.

— Я знаю, о чём говорю! — Филифьонка угрожающе приблизилась.

Мюмла оглядела обоих. «Палые листья? — подумала она. — Вот странные ребята...» Она вошла в дом и поднялась наверх. Там было довольно

холодно. Южная гостевая комната не изменилась: белый умывальник, поблекший штормовой пейзаж на стене, синее одеяло из гагачьего пуха. Умывальник был пуст, на дне обнаружился дохлый паук. Посреди комнаты стоял Филифьонкин саквояж, на кровати лежала розовая ночная рубашка.

Мюмла унесла саквояж и ночную рубашку в северную гостевую комнату и закрыла дверь. Южная гостевая принадлежала только ей, Мюмла знала это так же точно, как и то, что на углу умывальника под вафельным полотенцем лежит её собственная старая расчёска. Мюмла приподняла полотенце — расчёска оказалась на месте. Мюмла уселась на подоконник, распустила пучок и принялась расчёсывать красивые золотистые волосы. За закрытым окном, во дворе, продолжалась беззвучная утренняя перебранка.

Мюмла причёсывалась и причёсывалась, волосы начали искрить и заблестели ещё сильнее, Мюмла рассеянно смотрела на большой сад, который осень превратила в незнакомый заброшенный пейзаж. Голые деревья стояли плечо к плечу, точно серые кулисы, картонные стены в дождевой дымке. Беззвучная склока на веранде продолжалась. Спорщики махали лапами, под-

прыгивали и казались такими же бутафорскими, как сад, — все, кроме хомсы. Он стоял неподвижно и смотрел в землю.

На долину наползала широкая тень — собирался новый дождь. И тут на мосту появился Снусмумрик. Вне всякого сомнения, это был он — ни у кого больше нет таких зелёных одёжек. Он остановился у кустов сирени и огляделся. Потом подошёл поближе, замедляя шаг. Мюмла открыла окно.

Хемуль отбросил грабли.

— Прибираешься, прибираешься, — прогово-

рил он.

Филифьонка заметила в воздух:

— При Муми-маме такого не было.

Хомса смотрел на Филифьонкины сапоги и видел, как они ей жмут. Дождь наконец собрался. Последние жалкие листья отрывались от своих ветвей и облетали на веранду, дождь набирал силу.

— Привет, — сказал Снусмумрик.

Все переглянулись.

— Похоже, начался дождь, — нервно произнесла Филифьонка. — Хозяев нет дома.

— Хорошо, что ты пришёл, — сказал Хемуль.

Снусмумрик сделал какой-то неопределённый жест и спрятался в тени своей шляпы. Потом он повернулся и направился обратно к реке. Хемуль и Филифьонка пошли следом. Они остановились поодаль и смотрели, как Снусмумрик ставит у моста палатку и заползает в неё.

— Хорошо, что ты пришёл, — повторил Хемуль.

Они постояли ещё немного под дождём.

— Он спит, — проговорил Хемуль шёпотом. — Устал.

Мюмла видела, как они вернулись в дом. Она закрыла окно и аккуратно собрала волосы в кра-

сивый гордый пучок.

Нет ничего приятнее, чем наслаждаться жизнью, и ничего легче. Мюмла никогда не испытывала жалости к тем, кого встречала и потом забывала, никогда не вмешивалась в чужие дела. Она смотрела на остальных и их хлопоты со спокойным удивлением.

Одеяло из гагачьего пуха было синее. Шесть лет Муми-мама собирала пух, и теперь одеяло лежало в южной гостевой комнате под кружевным покрывалом, ожидая тех, кто умеет получать от жизни удовольствие. Мюмла решила положить в ноги грелку и знала, где её найти. Раз в пять дней можно мыть голову дождевой водой. С приходом сумерек вздремнуть. По вечерам в кухне будет тепло после готовки…

На мосту можно лежать и смотреть на бегущую воду. Или бегать, или пробираться по болоту в красных сапожках. Или свернуться клубочком и слушать, как стучит по крыше дождь. Наслаждаться жизнью — это очень просто.

Ноябрьский день понемногу клонился к сумеркам. Мюмла забралась под одеяло из гагачьего пуха, до хруста вытянула ноги и обхватила ступнями бутылку с тёплой водой. Снаружи шёл дождь. Через пару часов она проголодается

настолько, чтобы снизойти до Филифьонкиного ужина, и, возможно, ей захочется даже поговорить. Но сейчас единственное, что ей нужно, — это погрузиться в тепло, весь мир — одно большое мягкое одеяло, обёрнутое вокруг Мюмлы, а все остальные — по другую его сторону. Мюмла никогда не видела снов, она засыпала, когда хотелось спать, и просыпалась, когда имело смысл проснуться.

10

В палатке было темно. Снусмумрик выполз из спальника. Пять тактов ничуть не приблизились, не вернулась ни одна нотка. Снаружи было совсем тихо, дождь перестал. Снусмумрик решил поджарить ветчины и пошёл к поленнице за дровами.

Когда костёр разгорелся, к палатке снова подошли Хемуль с Филифьонкой. Они стояли, смотрели на Снусмумрика и молчали.

— Вы ужинали? — спросил Снусмумрик.

— Мы не можем, — ответил Хемуль. — Никак не договоримся, кому потом мыть посуду.

— Хомсе, — предложила Филифьонка.

— Нет, не хомсе, — заспорил Хемуль. — Хомса помогает мне в саду. А домом должны заниматься Филифьонка и Мюмла, они же всё-таки женщины, а? Разве я не прав? Я варю кофе и слежу за порядком. А Староум уже такой старый, что пусть себе делает что хочет.

— Хемулям лишь бы командовать, — взвилась Филифьонка.

И она, и Хемуль смотрели на Снусмумрика с беспокойным ожиданием.

«Мыть посуду, — подумал Снусмумрик. — Ничего они не понимают. Мыть посуду — это побултыхать миской в ручье, сполоснуть руки и выбросить зелёный лист, вот и всё. О чём они вообще говорят».

— Разве не правда, что Хемуль всё время только командует? — уточнила Филифьонка. — Это важный вопрос!

Снусмумрик поднялся, он слегка побаивался этих двоих. Он пытался подобрать слова, но никак не мог придумать ничего справедливого и подходящего.

Тут Хемуль вскричал:

— Ничего я не командую! Я буду жить в палатке, свободный и одинокий!

Он распахнул вход и ввалился внутрь, заполнив всю палатку.

— Только посмотри на него, — прошептала Филифьонка.

Она постояла немного и ушла.

Снусмумрик снял сковородку с огня, ветчина превратилась в угли. Он набил трубку и осторожно спросил:

— А ты когда-нибудь раньше спал в палатке?

— Дикая жизнь — лучшее, что я знаю, — мрачно ответствовал Хемуль.

Стало совсем темно, но в Муми-доме светились два окна, и свет был таким же уверенным и ласковым, как и прежде в осенние вечера.

Филифьонка лежала в северной комнате, по самую морду завернувшись в одеяло, вся в папильотках, от которых болела шея. Филифьонка считала круги от сучков в потолке и чувствовала, что проголодалась.

Всё время, с самого начала, Филифьонка представляла себе, что будет готовить еду. Она любила наводить порядок в припасах — пакетиках и стройных рядах банок, любила придумывать, как спрятать остатки вчерашней еды в запеканку или пудинг, чтобы никто их там не распознал. Ей нравилось готовить так экономно, чтобы ни одна

крошка не пропала зря.

На крыльце висел большой муми-гонг. Филифьонка всегда мечтала, как будет бить перед обедом в звонкую латунь, бом-бом-бом по всей долине, и все будут сбегаться и кричать: «Обед! Обед! Что там у нас сегодня! Ой, какие же мы голодные!..»

Филифьонка чуть не заплакала. Этот Хемуль всё испортил! Да она бы и посуду помыла, и даже с удовольствием, если б только она сама так решила. «Филифьонка должна заниматься домом, потому что она женщина». Ха! Да ещё на па́ру с Мюмлой.

Филифьонка погасила свечу, чтоб не расходовать зря, и натянула на голову одеяло. Ступеньки заскрипели. Из гостиной послышался лёгкий, очень лёгкий стук. Где-то хлопнула дверь. «Откуда в пустом доме столько звуков?» — подумала Филифьонка и вспомнила, что в доме вообще-то полно народу. Но ей по-прежнему казалось, что он пуст.

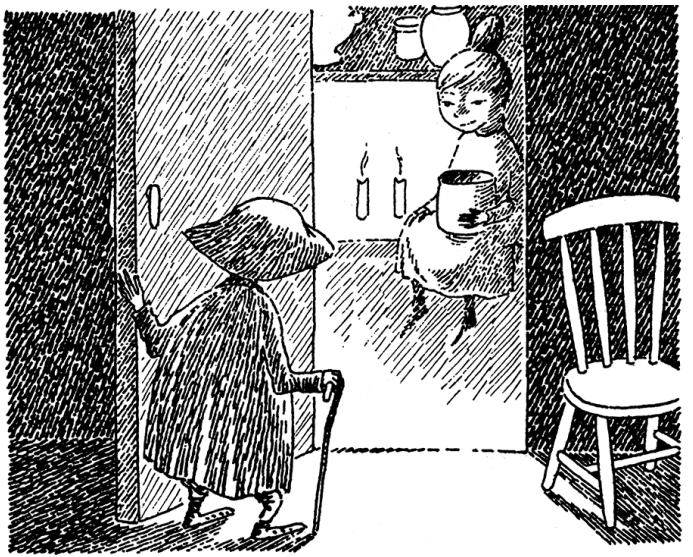
Староум лежал на диване в гостиной, уткнув нос в самую шикарную бархатную подушку, и вдруг услышал, как кто-то прокрался в кухню. Тихонько звякнуло стекло. Он приподнялся в темноте, навострил уши и подумал: «Празднуют».

Снова стало тихо. Староум спустил лапы на холодный пол и прокрался к кухне. Там тоже было темно, но под дверью кладовки светилась щель.

— Ага, — подумал Староум, — спрятались в кладовой.

Он дёрнул дверь — в кладовке Мюмла поглощала солёные огурцы, рядом на полке горели две свечи.

— А, тебе пришла та же мысль, — сказала она. — Вот огурцы, а вон там сухарики с корицей. А это пикули, их лучше не бери, а то живот заболит.



Староум немедленно схватил банку с пикулями и принялся за них. Вкус ему не понравился, но он не сдавался.

Спустя мгновение Мюмла проговорила:

— Пикули — это не для твоего живота. Ты же

лопнешь и сразу умрёшь.

— Какой дурак станет умирать в каникулы, — весело откликнулся Староум. — А что там в миске?

— Еловые иголки, — ответила Мюмла. — Они набивают животы иголками перед зимней спячкой.

Мюмла приподняла крышку и добавила:

— Предок почти всё съел.

— Какой такой предок? — спросил Староум, переходя к солёным огурцам.

— Который живёт в печке, — пояснила Мюмла. — Ему триста лет, и он сейчас в спячке.

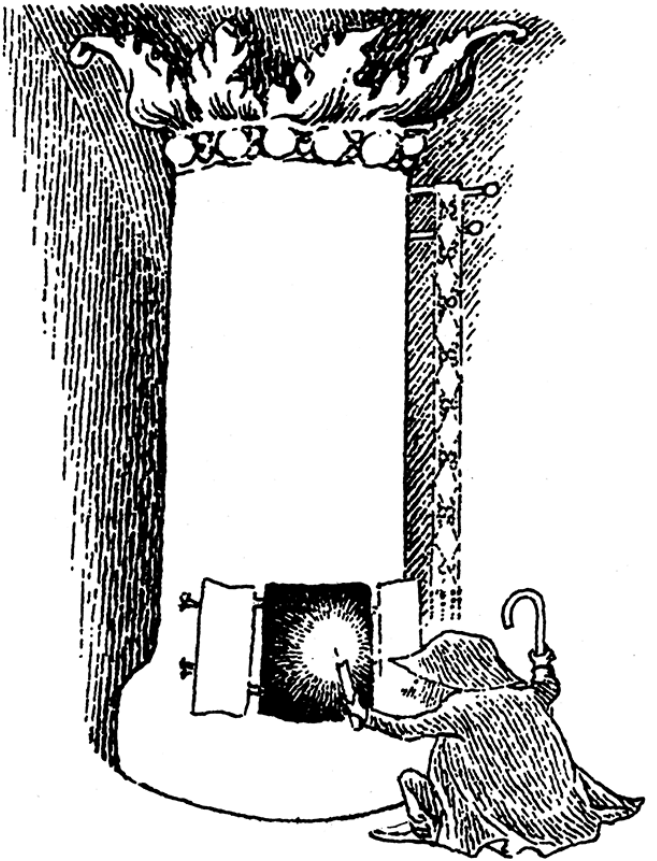
Староум ничего не сказал. Он пытался понять, нравится ему или нет, что обнаружился кто-то ещё старше него. Он так заинтересовался, что решил разбудить предка и познакомиться с ним.

— Послушай, — сказала Мюмла. — Не стоит его трогать. Он проснётся только в апреле. Ну вот, ты слопал полбанки огурцов.

Староум надул щёки и сморщил нос, насовал в карманы огурцов и сухариков, взял вторую свечу и зашаркал обратно в гостиную. Он поставил свечу перед печкой и открыл заслонки. Внутри была только темнота. Староум сунул свечу в печь и посмотрел снова. Клочок бумаги да немного са-

жи, насыпавшейся из печи, — и ничего больше.

— Ты там? — крикнул он. — Просыпайся! Хочу на тебя поглядеть.



Но предок не ответил, он спал, набив живот еловыми иголками.

Староум подобрал обрывок бумаги и обнаружил, что это письмо. Он уселся на пол и попытался вспомнить, где оставил очки, но так и не вспомнил. Тогда Староум припрятал письмо понадёжнее, погасил свечу и зарылся обратно в свои подушки.

«Интересно, предка они приглашали на свои праздники? — угрюмо подумал Староум. — Ну, как ни крути, а день у меня вышел славный. Мой личный день».

Хомса Киль лежал на чердаке и читал свою книгу. Пламя свечи очерчивало вокруг него островок безопасности посреди большого и чуждого дома.

«Как мы уже упоминали, — читал хомса, — этот уникальный животный вид накапливал силы посредством электрических разрядов, которые регулярно формировались в долинах и наполняли ночь белым и фиолетовым светом. Можно вообразить себе, каким образом последний из вымирающих видов нуммулитов постепенно приближается к поверхности воды, каким образом блуждает он в бесконечных топях тропических лесов, где в болотных пузырях отражаются огни, и каким образом в конце концов лишается

своей изначальной составляющей».

«Наверное, ему было очень одиноко, — подумал Киль. — Он был не похож на всех остальных, и родным не было до него дела, вот он и ушёл. Интересно, какой он был, увижу ли я его когда-нибудь? Может, он появится здесь, если у меня получится рассказать как следует».

— Конец главы, — объявил хомса и погасил свет.

11

Долгими, не имеющими конца и начала ноябрьскими рассветами с моря приходил туман. Он клубился над горами и соскальзывал в долины, заполняя их до краёв. Снусмумрик решил встать пораньше, чтобы побыть час-другой в одиночестве. Костёр давно прогорел, но Снусмумрик не замёрз. Он владел простым, но редким умени-

ем сохранять тепло — накапливал его вокруг себя и лежал неподвижно, стараясь не видеть снов.

Туман принёс с собой тишину, долина замерла.

Снусмумрик проснулся быстро, как просыпаются животные, спать не хотелось. Пять тактов стали немножко ближе.

«Вот и хорошо, — подумал он. — Теперь чашка крепкого кофе — и я их настигну». Вот с кофе-то и вышла промашка.

Костёр понемногу разгорелся. Снусмумрик набрал в кофейник речной воды и поставил на огонь, сделал шаг назад и запнулся за Хемулевы грабли. Кастрюля с отчаянным грохотом покатилась к реке, Хемуль высунул нос из палатки и сказал:

— Привет!

— Привет, — откликнулся Снусмумрик.

Хемуль выполз к костру со спальником на плечах, он замёрз и не выспался, но твёрдо решил радоваться.

— Дикая жизнь! — проговорил он.

Снусмумрик не сводил глаз с кофейника.

— Подумать только, — продолжал Хемуль. — Подумать только, всю ночь слушать из палатки таинственные ночные звуки! У тебя, кстати, нет

какого-нибудь средства от продутого уха?

— Нет, — сказал Снусмумрик. — Тебе с сахаром или без?

— С сахаром, четыре куска, будь добр, — ответил Хемуль. От костра стало теплее, и позвоночник уже не так ныл. Кофе оказался очень горячий.

— Чем ты мне нравишься, — доверительно проговорил Хемуль, — так это тем, что ты не болтун. Помолчишь и за умного сойдёшь. Даже захотелось рассказать тебе про мою лодку.

Туман понемногу рассеивался, из него проступала чёрная мокрая земля и Хемулевы большие лапы — голову по-прежнему обволакивала дымка. Всё, за исключением ушей, казалось каким-то необыкновенным, живот согрелся от кофе, и Хемуль, вдруг почувствовав себя весёлым и беспечным, сказал:

— Мы с тобой понимаем друг друга. Слушай-ка. Муми-папина лодка ведь причалена к мосткам возле купальни, верно?

И оба вспомнили мостки, узкие, одинокие, покачивающиеся в море на потемневших сваях, и в самом конце их купальню с островерхой крышей, с красными и зелёными окошками и ступеньками, круто уходящими в воду.

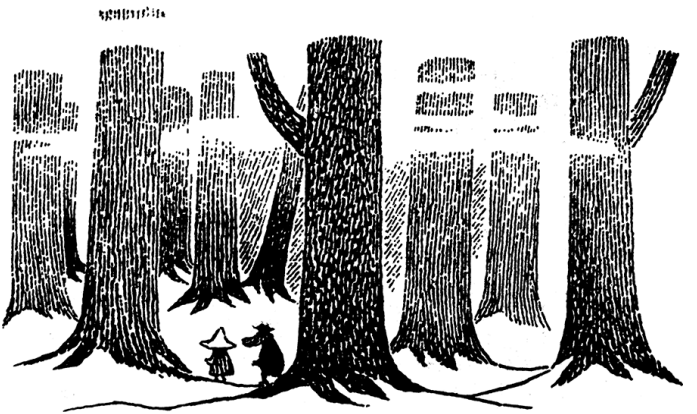
— Вряд ли, — сказал Снусмумрик, поставив

кружку на землю.

«Они ушли в море под парусом, — подумал он. — И я не хочу говорить о них с этим хемулем».

Но Хемуль наклонился поближе и серьёзно сказал:

— Надо пойти и посмотреть. Только мы вдвоём, так будет лучше всего.



Они шагнули в туман, который поднимался с

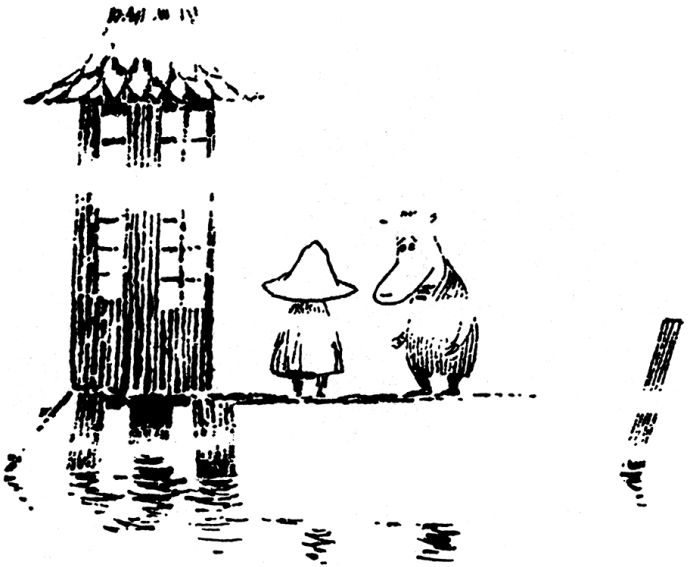
земли и катился дальше. В лесу туман превращался в огромную белую крышу, её поддерживали чёрные стволы-колонны — просторный торжественный пейзаж, порождённый тишиной. Хемуль думал о своей лодке, но ничего не говорил. Он шёл следом за Снусмумриком к морю, и всё вдруг снова стало казаться таким простым и обрело смысл.

Купальня осталась прежней. Большой парусной лодки не было. Вдоль линии прилива валялись обломки досок и рыбные садки, старую маленькую лодку перед отъездом оттащили в лес. Над водой туман рассеивался, и всё было спокойным и серым — и берег, и воздух, и тишина.

— Угадай, как я себя чувствую! — провозгласил Хемуль. — Я чувствую себя… потрясающе! Уши больше не болят.

На Хемуля напало вдруг желание излить душу, рассказать, как он старается поддерживать порядок, чтобы всем остальным тоже стало хорошо, но он стеснялся и не мог подобрать слов. Снусмумрик шёл дальше. По всему берегу, сколько хватало глаз, темнел нанесённый морем и ветром вал мусора, всё забытое, выброшенное, облепленное морской травой и водорослями, потемневшее и разбухшее от воды. Разбитые доски

щетинились гвоздями и погнутыми ржавыми скобами. Море захватило весь берег до самого леса, и на ветвях ближних деревьев висели клочья морской травы.



— Ветрено было, — проговорил Снусмумрик.

— Я стараюсь изо всех сил, — воскликнул Хемуль позади него. — Мне бы ужасно хотелось.

Снусмумрик издал тот невнятный звук, который издавал обычно, когда хотел показать, что услышал собеседника и ему нечего добавить, и шагнул на мостки. Песчаное дно под мостками было покрыто чем-то коричневым, покачивающимся в такт морю, — надёрганные морем водоросли. Туман вдруг исчез, и в целом мире не нашлось бы более пустынного берега.

— Понимаешь? — сказал Хемуль.

Снусмумрик кусал трубку и смотрел на воду.

— Угу, — сказал он и добавил: — Я думаю, у маленьких лодок обшивку лучше всего делать внакрой.

— И я так думаю, — согласился Хемуль. — У моей лодки именно такие. Для маленьких лодок самое подходящее. И лодку надо смолить, а не покрывать лаком, верно я говорю? Я свою каждую весну смолю, прежде чем пуститься в плавание. Слушай, посоветуй мне одну вещь, а? Касательно лодки. Никак не могу решить, какой парус выбрать — белый или красный? Белый, понятное дело, хорош тем, что это классика и всё такое, но я стал задумываться о красном, красный — это

как-то… смело, а? Ты как думаешь? Не слишком будет бросаться в глаза?

— Думаю, не слишком, — ответил Снусмумрик. — Бери красный.

Его клонило в сон, и больше всего на свете хотелось заползти в палатку и остаться одному.

Всю обратную дорогу Хемуль рассказывал о своей лодке.

— У меня есть одна особенность, — говорил он. — Если кто любит лодки, я сразу чую в нём родственную душу. Взять хотя бы Муми-папу. В один прекрасный день просто поднял паруса и был таков — здравствуй, свобода! Мне, знаешь ли, иногда кажется, что мы с ним похожи. Не то чтобы очень, но что-то есть.

Снусмумрик издал неопределённый звук.

— Да. Именно так, — тихо сказал Хемуль. — И ведь неслучайно он назвал свою лодку «Приключением»?

Они расстались возле палатки.

— Спасибо за прекрасное утро, — сказал Хемуль. — Спасибо, что выслушал.

Снусмумрик залез в палатку. Палатка была такая зелёная, что казалось, будто снаружи светит летнее солнце.

Когда Хемуль дошёл до дома, утро закончи-

лось. Начинался день, день всех прочих, которые понятия не имели, какой ему нынче достался подарок. Филифьонка открыла окно, чтобы проветрить дом.

— Доброе утро! — воскликнул Хемуль. — Я спал в палатке! Всю ночь слушал ночные звуки!

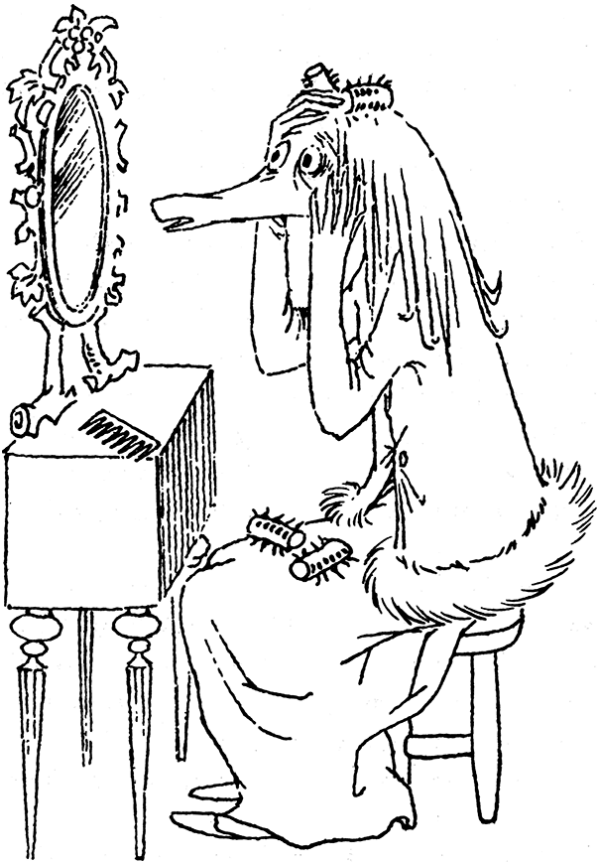
— Что за звуки? — кисло спросила Филифьонка, закрывая окно на задвижку.

— Ночные звуки, — повторил Хемуль. — Звуки, которые слушают по ночам…

— Ах эти, — сказала Филифьонка.

Она не любила окон, никакой в них надёжности, никогда не знаешь, то ли откроются, то ли захлопнутся… Воздух в северной гостевой был холоднее, чем снаружи. Филифьонка сидела перед зеркалом, дрожа от холода, накручивала волосы на папильотки и думала о том, что всегда поселяется окнами на север, даже в собственном доме, по той лишь причине, что к филифьонкам всегда всё поворачивается худшей стороной. Волосы никак не просохнут, и неудивительно при такой-то влажности, кудряшки свисают вниз, как разогнувшиеся печные крючья, всё плохо, за что ни возьмись, включая утреннюю причёску, а ведь это так важно, да вдобавок ещё Мюмла в доме. Дом сырой, воздух затхлый, кругом пыль, надо

проветрить, насквозь проветрить все комнаты, раздобыть побольше тёплой воды и устроить тотальную, глобальную, монументальную генеральную уборку…



Но едва Филифьонка подумала «генеральная уборка», как на неё снова нахлынули тошнота и головокружение, и на одну кошмарную секунду она почувствовала себя на краю гибели. «Я никогда больше не смогу взяться за уборку, — поняла она. — И как мне жить, если я не способна ни прибираться, ни готовить еду? Ведь всё остальное не стоит труда».

Филифьонка медленно спустилась на первый этаж. Остальные пили кофе на веранде. Филифьонка посмотрела на них, на шишковатую шляпу Староума, на лохматую голову хомсы, на хемульский крепкий загривок, раскрасневшийся от утренней прохлады, все они сидели там, и у Мюмлы были такие красивые волосы — и вдруг Филифьонку охватила страшная усталость, и она подумала: «Но ведь я им совершенно не нравлюсь».

Филифьонка остановилась посреди гостиной и посмотрела по сторонам. Хемуль успел и завести часы, и постучать по барометру. Мебель стояла на своих местах, и всё, что происходило здесь когда-то раньше, было теперь закрыто, запечатано и ничего не хотело знать о Филифьонке.

Филифьонка вдруг сорвалась с места и бросилась в кухню за дровами. Она решила как следует

растопить изразцовую печь и согреть заброшенный дом и всех, кто пытается в нём жить.

— Слышишь, ты, как там тебя, — кричал под палаткой Староум. — Я спас предка! Своего друга-предка! Она, видишь ли, забыла, что он живёт в печке, придумает же такое! А теперь лежит на кровати и плачет.

— Кто? — спросил Снусмумрик.

— Эта, с лисой, понятное дело, — пояснил Староум. — Вот ведь ужас, а?

— Она быстро успокаивается, — пробормотал из палатки Снусмумрик.

Староум был удивлён и страшно раздосадован. Он постучал тростью по земле, набормотал себе под нос целую кучу обидных вещей и спустился к мосту, на котором расчёсывала волосы Мюмла.

— Видала, как я спас предка? — сурово осведомился Староум. — Ещё секунда, и он бы сгорел.

— Ну не сгорел же, — откликнулась Мюмла.

— Ничего вы нынче не понимаете в важных событиях, — принялся объяснять Мюмле Староум. — И чувства у вас неправильные. Ты мной совсем не восхищаешься!

Он вытянул свою проволочную корзинку, опять пустую.

— Рыба в этой реке бывает только весной, —

сказала Мюмла.

— Это не река, это ручей! — завопил Староум. — И в нём полно рыбы!

— Послушай, Староум, — спокойно сказала Мюмла. — Это не река и не ручей. Это маленькая речушка, но раз муми-тролли называли её рекой, значит она река. Я единственная, кто понимает, что это маленькая речка. Зачем вы всё время спорите о том, чего нет и никогда не случалось?

— Чтоб было веселее! — отозвался Староум.

Мюмла все причёсывалась и причёсывалась, расчёска шелестела в волосах, как вода, омывающая песчаный берег, волна за волной, свободно и безразлично.

Староум поднялся и произнёс с достоинством:

— Если ты видишь, что это не ручей, а речушка, по-твоему, обязательно надо об этом рассказать? Зачем ты меня расстраиваешь, ужасное ты дитя?

Мюмла так удивилась, что даже перестала причёсываться.

— Ты мне нравишься, — сказала она. — Я не хотела тебя расстраивать.

— Это хорошо, — сказал Староум. — Тогда не рассказывай больше о том, как всё устроено, и позволь мне верить в приятные вещи.

— Я постараюсь, — пообещала Мюмла.

Староум совсем распереживался. Он отошёл к палатке и закричал:

— Эй, ты, там! Это ручей, или речушка, или река? Есть в ней рыба или нет? Почему всё стало не так, как раньше? И когда ты уже вылезешь и проявишь какой-нибудь интерес?

— Скоро, — буркнул Снусмумрик. Он с беспокойством прислушивался, но Староум ничего больше не сказал.

«Придётся пойти к ним, — думал Снусмумрик. — Ерунда какая-то. Зачем я сюда вернулся, что я тут с ними делаю, они ничего не понимают в музыке».

Он улёгся на спину, перевернулся на живот, поглубже зарылся носом в спальник. Но что бы он ни делал, они лезли к нему в палатку, они не оставляли его — беспокойные глаза Хемуля, плачущая на кровати Филифьонка, хомса, который всё время молчит и смотрит в землю, этот полоумный Староум… Они были повсюду, теснились в его голове, в палатке пахло хемулем. «Придётся выйти, — подумал Снусмумрик. — Думать о них — ещё хуже, чем находиться в их компании. Как всё-таки они не похожи на муми-троллей…» И вдруг, совершенно неожиданно, Снусмумрик затосковал по муми-семейству. Они тоже бывали

утомительны. Они любили поговорить. Они были повсюду. Но при них можно было остаться в одиночестве. «Как им это удавалось? — с удивлением подумал Снусмумрик. — Как мне удавалось проводить вместе с ними одно долгое лето за другим и даже не замечать, что они дают мне побыть одному?»

12

Медленно и старательно хомса Киль прочёл: «Невозможно описать словами период смуты и хаоса, который неминуемо должен был последовать за утратой электрического заряда. У нас есть причины предполагать, что этот нуммулит, этот уникальный феномен, который, несмотря ни на что, можно отнести к подцарству простейших, в

изрядной степени остановился в своём развитии и переживал период вымирания. Способность к фосфоресцированию была утрачена, и достойное сожаления существо вело отшельническую жизнь в глубоких расщелинах и гротах, могущих предоставить временное укрытие от внешнего мира».

— Ну вот, — прошептал Киль. — Теперь на него любой может напасть, он ведь больше не электрический… Он только съёживается и съёживается и не знает, куда деваться…

Хомса завернулся в сеть и принялся рассказывать. Он отправил существо в долину, в которой жил некий хомса, умеющий поднимать электрические бури. Белые и фиолетовые вспышки озаряли долину, сначала вдалеке, потом всё ближе и ближе…

К Староуму в корзинку не поймалось ни одной рыбёшки. Он заснул на мосту, надвинув шляпу на нос. Рядом валялась Мюмла на коврике, стащенном с изразцовой печи, она смотрела на коричневую бегущую воду.

Возле почтового ящика Хемуль выписывал на фанерке морилкой для дерева, крупными буквами: «Муми-долина».

— Ты это для кого? — спросила Мюмла. — Уж ес-

ли сюда кто пришёл, он и сам знает, что он здесь.

— Это я не для других, — объяснил Хемуль. — Это я для себя.

— А зачем? — спросила Мюмла.

— Не знаю, — с удивлением признался Хемуль. Раздумывая над ответом, он вывел последнюю букву и предположил: — Может, для точности? Имена, названия — в этом что-то есть. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я.

— Нет, — пожала плечами Мюмла.

Хемуль достал из кармана большой гвоздь и принялся прибивать фанерку к мосту. Староум встрепенулся и пробормотал:

— Спасите предка…

Снусмумрик вылетел из палатки в надвинутой на глаза шляпе и закричал:

— Что ты делаешь? Перестань сейчас же!

Они никогда раньше не видели, чтобы Снусмумрик давал волю чувствам, и очень растерялись и испугались. Хемуль вытащил гвоздь обратно.

— И не напускай на себя обиженный вид, — добавил Снусмумрик с упрёком. — Ты же знаешь.

Даже Хемулю следовало знать, что всякий снусмумрик ненавидит таблички и надписи типа: «Частная территория», или «Закрыто», или «Воспрещается», или «Не ходить»; даже если вас совершенно не интересуют снусмумрики, стоит запомнить: таблички — единственный способ разозлить их, задеть за живое и заставить потерять самообладание. Вон Снусмумрик его и потерял. Из-за них он кричал, ему пришлось выйти из себя, и простить им это невозможно, даже если теперь они повытаскивают все гвозди на свете!

Хемуль пустил фанерку в реку. Буквы быстро

потемнели и стали неразборчивыми, поток подхватил табличку и унёс её в море.

— Смотри, она уже уплыла, — сказал Хемуль. — Может, не так это и важно, как мне показалось.

Хемуль заговорил чуть-чуть по-другому. В его голосе было чуть меньше уважения, он позволил себе подойти на полшага ближе и имел на это право. Снусмумрик ничего не ответил, он стоял неподвижно. Вдруг он бросился к почтовому ящику, поднял крышку и заглянул внутрь, метнулся к большому клёну и сунул руку в дупло.

Староум поднялся на ноги и прокричал:

— Письма ждёшь?

Снусмумрик был уже у поленницы. Он опрокинул козлы, вбежал в сарай и ощупал стену под маленьким подоконником над верстаком.

— Очки потерял? — спросил Староум с интересом.

Снусмумрик даже не остановился.

— Я хочу поискать спокойно, — сказал он.

— Ещё бы, — крикнул Староум, поспешая за Снусмумриком изо всех сил. — Оно и верно. Вот и я раньше целыми днями искал вещи, слова, имена — так ничего хуже не придумаешь, когда кто-нибудь пытается помогать.

Староум схватил Снусмумрика за куртку:

— Знаешь, как они всё время приговаривали? «Где ты видел это в последний раз? Постарайся вспомнить. Когда это произошло? Где?» Ха! Теперь с этим покончено. Я буду вспоминать и забывать только то, что сам захочу. И я тебе скажу…

— Староум, — сказал Снусмумрик. — Осенью рыба отходит к берегу. В середине реки её нет.

— В середине ручья, — радостно поправил Староум. — Первая здравая мысль за целый день.

Он тут же исчез. Снусмумрик продолжил поиски. Он искал письмо от Муми-тролля, прощальное письмо, должно же оно где-то быть, муми-тролли никогда не забывают попрощаться. Но все их общие тайники были пусты.

Муми-тролль единственный умел писать Снусмумрику правильно. Коротко и по делу. Никаких там обещаний, буду-скучаний и прочих печалестей. И какая-нибудь шутка в конце.

Снусмумрик поднялся на второй этаж, открутил от перил деревянный наконечник, но и там ничего не оказалось.

— Пусто! — провозгласила за его спиной Филифьонка. — Если ты ищешь драгоценности муми-семейства, то их здесь нет. Они в шифоньере, а он заперт на замок.

Филифьонка сидела на пороге своей комнаты, завернув ноги в одеяло и упрятав нос в боа.

— Они никогда не вешают замков, — сказал Снусмумрик.

— Здесь холодно! — выкрикнула Филифьонка. — Почему вы меня не любите? Почему никто не придумает, чем мне заняться?

— Можно пойти на кухню, — пробормотал Снусмумрик. — Там теплее.

Филифьонка не ответила. Где-то вдали тихо прогремел гром.

— Они никогда не вешают замков, — повторил Снусмумрик. Он подошёл к шифоньеру и открыл дверь. Внутри было пусто. Снусмумрик, не оглядываясь, пошёл вниз.

Филифьонка медленно поднялась. Она видела, что шифоньер пуст. Но из пыльной тьмы поднимался странный, страшный запах — удушливый, неприятно-сладкий. В шкафу не было ничего, кроме побитой молью шерстяной прихватки и мягкого серого слоя пыли. Филифьонка нагнулась, дрожа. На пыли виднелись… следы? Совсем крошечные, почти незаметные. Кто-то жил в шифоньере, а теперь сбежал. Все те, кто разбегается, когда отвернёшь большой камень, кто выползает из сгнивших растений, все они — Филифьонка

знала — повылезали наружу! Повыбегали на своих шуршучих лапках, с твёрдыми надкрыльями, шевелящимися усиками, или повыползали на мягких белых брюшках…

— Хомса! Иди сюда! — заверещала Филифьонка.

И хомса пришёл со своего чердака, удивлённый, взъерошенный, и остановился, глядя на Филифьонку, точно не узнавал её. Он растопырил ноздри: в комнате свежо и резко пахло электричеством.

— Они сбежали! — вопила Филифьонка. — Они жили там, а теперь все повылазили!

Дверь шифоньера качнулась, и Филифьонка заметила какое-то движение, проблеск опасности — и взвизгнула. Но это лишь блеснуло зеркало

с внутренней стороны двери, шифоньер был по-прежнему пуст.

Хомса подобрался поближе, прижимая лапы ко рту, с круглыми и чёрными глазами. Запах электричества усилился.

— Я освободил его, — прошептал он. — Он существует, и я его освободил.

— Кого ты освободил? — испуганно спросила Филифьонка.

Хомса покачал головой:

— Я не знаю.

— Ты же, наверное, видел его, — настаивала Филифьонка. — Подумай. Как он выглядел?

Но хомса бросился на чердак и закрыл за собой дверь. Сердце колотилось где-то в горле. Значит, это правда. Он пришёл. Он где-то здесь, в долине. Хомса открыл книгу в нужном месте и быстро-быстро прочёл:

«Согласно нашим предположениям о том, что конституция этого животного постепенно приспособилась к новым условиям, необходимость победить в эволюционной борьбе сформировала в конце концов предпосылки, при которых выживание выглядит возможным. Данное животное, существование которого мы классифицируем лишь как предположение, гипотезу, на протяже-

нии неопределённого времени продолжало своё загадочное развитие, хотя модель его поведения идёт вразрез с теми процессами, которые мы рассматриваем как типичные…»

— Ничего не понимаю, — прошептал Хомса. — Говорят, и говорят, и говорят… Если они не поторопятся, всё пропало!

Он улёгся на книгу во весь рост, вцепился лапами в волосы и принялся рассказывать дальше, торопливо, сбивчиво, он видел, как существо становится всё меньше и меньше и как трудно ему выстоять в одиночку…

Гроза становилась ближе! Повсюду вспыхивали молнии! Они трещали электричеством, деревья дрожали, и существо почувствовало: вот, сейчас! И оно стало расти, расти… Молнии засверкали ещё сильнее, они заполонили собой всё, белые и фиолетовые! Существо ещё немножко подросло, выросло такое большое, что ему уже не нужны были никакие родные…

Стало полегче. Хомса Киль перевернулся на спину и посмотрел на маленькое чердачное окошко: в нём клубились серые тучи. Услышал вдалеке раскат грома. Гром был похож на горловой рык, по которому сразу понятно: кто-то всерьёз разозлился.

По одной ступеньке за раз Филифьонка спускалась по лестнице. Эти мерзкие твари вряд ли разбежались в разные стороны. Скорее они держатся стаей, одной сплошной массой, которая поджидает где-нибудь в тёмном углу. Сидят себе тихонько в гнилой осенней яме… А может, и наоборот! Не в яме, а под кроватями, в ящиках комода, в ботинках — словом, они могут быть где угодно.

«Это нечестно, — подумала Филифьонка. — Ни с кем из моих знакомых ничего подобного не случается. Только со мной!»

Филифьонка длинными тревожными скачками бросилась к палатке и отчаянно задёргала вход, шепча:

— Открой, открой мне… Это я, Филифьонка!

Внутри палатки было не так страшно. Филифьонка рухнула на спальный мешок, обхватила колени руками и проговорила:

— Они выбрались на свободу. Вышли из шкафа и теперь бродят повсюду… Миллионы мерзких тварей, сидят и поджидают…

— А кто-нибудь ещё их видел? — осторожно поинтересовался Снусмумрик.

— Нет, конечно! — нетерпеливо воскликнула Филифьонка. — Они охотятся только за мной!

Снусмумрик выбил трубку и попытался что-то сказать. Снаружи снова загрохотало.

— Только не говори ничего про гром, — мрачно предупредила Филифьонка. — И не говори, что мои насекомые уже ушли, или что их вообще нет, или что они маленькие и безобидные — мне это совершенно не поможет.

Снусмумрик посмотрел ей в глаза и сказал:

— Есть место, куда они никогда не смогут войти. Это кухня. Они никогда не приходят на кухню.

— Ты уверен? — строго спросила Филифьонка.

— Я это точно знаю, — ответил Снусмумрик.

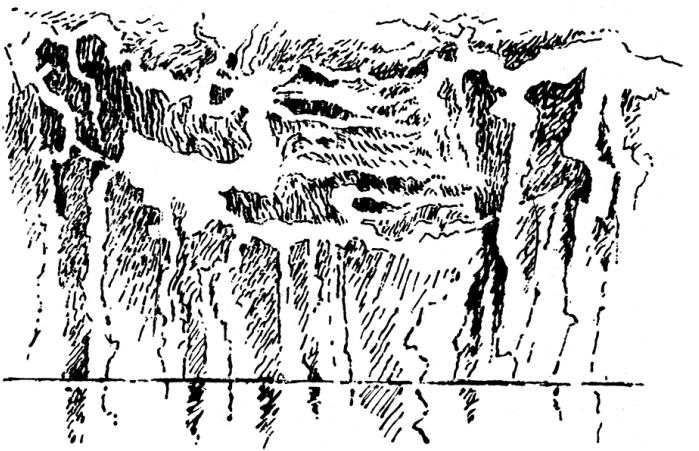
Громыхнуло снова, на этот раз совсем рядом. Снусмумрик посмотрел на Филифьонку и улыбнулся:

— И всё-таки какой гром.

С моря действительно шёл сильный шторм. Молнии сверкали белым и фиолетовым, Снусмумрик никогда не видел так много таких красивых вспышек сразу. Внезапные сумерки осели на долину. Филифьонка подхватила юбки, бросилась через сад обратно и захлопнула за собой кухонную дверь.

Снусмумрик поднял нос и принюхался. Воздух был прохладным, как железо. Пахло электричеством. Молнии обрушивались теперь большими дрожащими пучками, параллельными столпами, вся долина озарилась их слепящим светом. Снусмумрик в восторге застучал ногами. Он ждал дождя и ветра, но их всё не было. Только гром перекатывался туда-сюда между горными вершинами, как огромный тяжёлый шар, запахло гарью, и наконец раздался последний восхитительный, головокружительный раскат. Стало совсем-совсем тихо, и больше ни одной

вспышки.



«Какая странная гроза, — подумал Снусмумрик. — Интересно, куда попала молния».

И тут он услышал с реки ужасный крик, и по спине у него пробежал холодок. Молния попала в Староума!

Снусмумрик добежал до реки. Староум прыгал

на берегу и кричал:

— Рыба! Рыба! Я поймал рыбу!

Он держал окуня двумя руками и был вне себя от радости.

— Как думаешь, лучше зажарить или сварить? — спросил он. — А коптильня здесь есть? Найдётся тут кто-нибудь, кто способен приготовить эту рыбу и не испортить?

— Филифьонка! — засмеялся Снусмумрик. — И ещё раз Филифьонка!

Из щели выглянула дрожащая морда Филифьонки, все усики у неё стояли дыбом. Она впустила Снусмумрика в кухню, закрыла дверь на засов и прошептала:

— Кажется, я спасена.

Снусмумрик кивнул. Он понял, что Филифьонка говорит не о грозе.

— Староум поймал свою первую рыбу, — сказал Снусмумрик. — И теперь Хемуль утверждает, что рыбу умеют готовить только хемули. Правда, что ли?

— Ничего подобного! — взвилась Филифьонка. — Рыбу умеют готовить только филифьонки, и Хемуль это прекрасно знает.

— Но ты же всё равно не сможешь сделать так, чтобы на всех хватило, — печально заметил

Снусмумрик.

— Это ты так думаешь! — воскликнула Филифьонка и схватила окуня. — Хотела бы я посмотреть на ту рыбу, которую я не смогу приготовить на шестерых.

Она толкнула кухонную дверь и серьёзно сказала:

— Теперь выйди отсюда, я хочу готовить в одиночестве.

— Ага, — прокричал Староум, он успел уже сунуть нос в дверную щёлку. — Значит, она всё-таки любит готовить!

Филифьонка выронила рыбу на пол.

— Сегодня ведь День отца, — пробормотал Снусмумрик.

— Ты уверен? — недоверчиво переспросила Филифьонка. Она сурово посмотрела на Староума и спросила:

— У тебя есть дети?

— Ещё чего не хватало, — парировал Староум. — Я не люблю родственников. Были у меня какие-то внуки, но я про них позабыл.

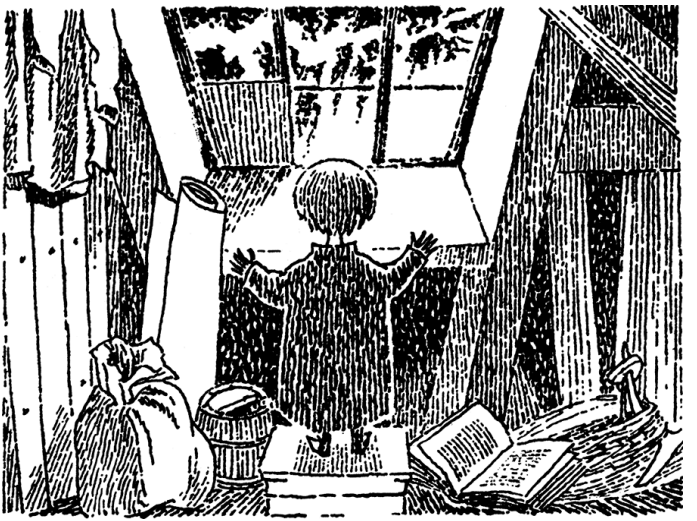
Филифьонка вздохнула:

— Почему ни один из вас не умеет себя вести? В этом доме с ума сойти можно. Уходите отсюда, оба, я буду готовить.

Филифьонка закрылась на засов и подняла окуня. Потом оглядела Муми-мамину кухню и забыла обо всём на свете, кроме того, как правильно готовить рыбу.

От короткой яростной грозы Мюмла ужасно наэлектризовалась. Рыжая грива сыпала искрами, каждая волосинка на руках и ногах стояла дыбом и подрагивала.

«Я зарядилась дикой энергией, — подумала она. — Я могла бы вытворить что угодно, но не буду. Как приятно делать только то, что хочешь». Мюмла свернулась клубочком под одеялом из гагачьего пуха, чувствуя себя маленькой шаровой молнией, клубком огня.



Хомса Киль стоял у чердачного окошка и смотрел, как вспыхивают молнии над Муми-долиной, стоял гордый, зачарованный и даже немного испуганный. «Это моя собственная гроза, — подумал он. — Это я сам сделал. Я наконец-то научился рассказывать так, чтобы получалось заметно. Я

рассказал последнему нуммулиту, маленькой радиолярии из подцарства простейших… Я тот, кто пускает громы и мечет молнии, я хомса, о котором никто не знает».

Он подумал, что наказал своей грозой Муми-маму, и решил хранить молчание и не рассказывать больше ни при ком — только себе и нуммулиту. До наэлектризованности остальных ему не было дела, она ощущалась в воздухе, но скорее как что-то чуждое, у него ведь была его собственная гроза. Он был бы рад, если бы вся долина опустела, оставив ещё больше места для фантазий; для того, чтобы придумывать как следует, нужны пространство и тишина.

Летучая мышь по-прежнему свисала с потолка, её не беспокоила гроза.

Хемуль крикнул из сада:

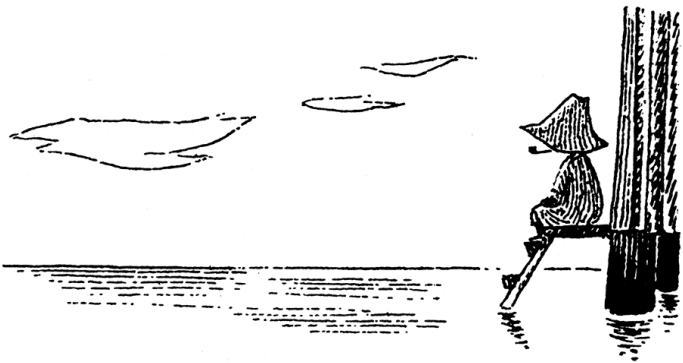
— Хомса, приходи помогать!

Хомса спустился с чердака, подошёл к Хемулю, прячась в волосах и молчании, и никто понятия не имел о том, что он держит в своих лапах ливни тропических лесов.

— Какая гроза, а? — сказал Хемуль. — Испугался?

— Нет, — ответил Хомса.

13



Ровно к двум часам Филифьонкина рыба была готова. Она пряталась в большом, исходящем паром светло-коричневом пудинге. В кухне надёжно и успокаивающе пахло едой, кухня снова стала кухней, тёплой, заботливой — тайным сердцем дома, сокровенным оплотом безопасности. В неё не могли проникнуть никакие насекомые, никакая гроза — здесь властвовала Филифьонка. Страхи и обмороки отступили, спрятались в самый дальний уголок мозга и были заперты там на замок.

«Слава богу, — подумала Филифьонка. — Прибираться я больше не способна, зато готовить ещё могу. Ещё не всё потеряно!»

Она открыла дверь и вышла на крыльцо, сняла с гвоздика латунный Муми-мамин гонг, она держала его в руке и видела в нём своё спокойное, торжествующее лицо, она взяла палочку с круглой деревянной головкой, обёрнутой в замшу, и застучала — бом-бом-бом по всей долине! Обед, идите есть!

И все со всех ног бросились к дому, крича:

— Что такое? Что случилось?

И Филифьонка отвечала с достоинством:

— Еда готова.

Стол был накрыт на шесть персон, Староуму досталось место в середине. Филифьонка знала, что он всё это время простоял под окном, переживая за свою рыбу. Теперь и его пустили внутрь.

— Еда, — сказала Мюмла. — Это хорошо. А то огурцы и сухарики не очень сочетаются.

— Отныне кладовая будет на замке, — заявила Филифьонка. — Кухня — моя территория. Рассаживайтесь и ешьте, пока не остыло.

— Где моя рыба? — вскричал Староум.

— Здесь, в пудинге, — объяснила Филифьонка.

— Но я хочу её видеть, — заныл Староум. — Она

должна быть целой, и я всю её собирался съесть сам!

— Фу, стыдоба, — сказала Филифьонка. — Хоть сегодня и День отца, но нельзя же быть таким эгоистом.

И подумала, что временами очень трудно уважать старость и соблюдать все традиции, которые положено соблюдать, если ты приличная филифьонка.

— Я отказываюсь праздновать День отца, — объявил Староум. — День отца, День матери, День послушного хомсы… Я не люблю родственников! Давайте лучше устроим День больших рыб!

— Но нам ведь вкусно, — упрекнул его Хемуль. — И не правда ли, мы все сидим за одним столом, точно большая дружная семья? Я всегда говорил: никто не умеет готовить рыбу так, как Филифьонка.

— Ха-ха-ха, — сказала Филифьонка. И снова повторила: — Ха-ха-ха, — и посмотрела на Снусмумрика.

За едой все примолкли. Филифьонка курсировала от стола к плите и обратно, подавала, разливала по стаканам сок, ворчала, если кто-то обляпается, и была спокойна как никогда.

— Может, крикнем «ура» по случаю Дня от-

ца? — предложил Хемуль.

— Ни за что, — отрезал Староум.

— Нет так нет, — согласился Хемуль. — Я только хотел проявить вежливость. А вы не забыли, что Муми-папа тоже отец?

Хемуль серьёзно оглядел остальных и добавил:

— У меня есть идея. Что, если каждый из нас приготовит Муми-папе какой-нибудь сюрприз к возвращению?

Все молчали.

— Снусмумрик мог бы починить мостки, — продолжал Хемуль. — А Мюмла постирать нашу одежду. А Филифьонка — устроить генеральную убор…

Филифьонка выронила тарелку и закричала:

— Нет! Я никогда больше не буду прибираться!

— Что с тобой? — спросила Мюмла. — Ты же всегда это любила.

— Не помню… — пробормотала Филифьонка.

— И правильно, — подхватил Староум. — Неприятные вещи надо забывать. А я пошёл ловить новую рыбу, и уж её-то я точно съем сам.

Староум взял свою тросточку и вышел из кухни, хлопая салфеткой на шее.

— Спасибо за обед, — сказал хомса и поклонился.

— Отличный пудинг, — добавил Снусмумрик.

— Да неужели, — рассеянно улыбнулась Филифьонка. Она думала уже совсем о другом.

После обеда Снусмумрик набил трубку и отправился к морю. Он шёл медленно и впервые чувствовал, что остался один. Он дошёл до купальни и открыл узкую обшарпанную дверь. В купальне пахло плесенью, водорослями, ушедшим летом — печальный это был запах. «Эх, дома́-дома́…» — подумал Снусмумрик. Он присел на узкие ступени, уходящие в воду. Море было спокойным, серым, без островов. Наверное, не так уж это и сложно — найти тех, кто исчез, и вернуть их домой. Все острова видны на карте. Можно законопатить старую лодку. Но зачем? — думал Снусмумрик. — Пусть будут там, где они есть. Может, им тоже захотелось покоя.

Снусмумрик не искал больше свои пять тактов — пусть приходят, когда им вздумается. Есть ведь

и другие песни.

«Может, сыграю вечером что-нибудь», — подумал он.

Позднеосенние вечера были очень тёмными. К ночи Филифьонка всегда делалась больной. Нет ничего хуже, чем вглядываться в темноту, это всё равно что уходить прямиком в бесконечность, да ещё в одиночку. Поэтому раньше Филифьонка молниеносно выставляла мусорное ведро на кухонное крыльцо и торопливо захлопывала за собой дверь.

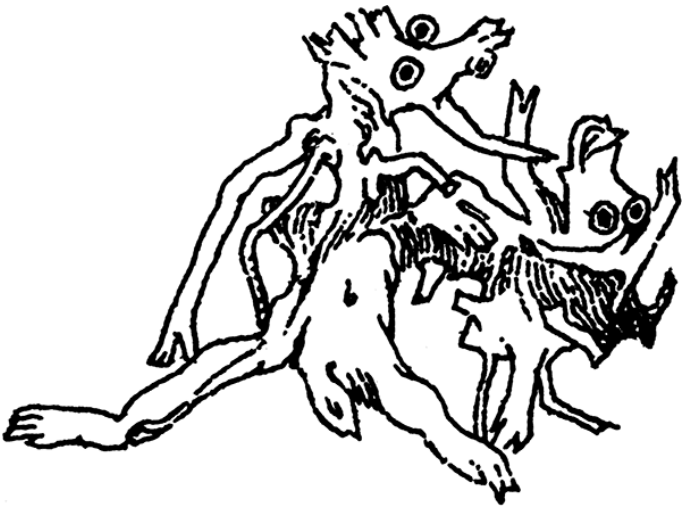
Но в этот вечер она остановилась на крыльце и прислушалась: Снусмумрик в своей палатке играл красивую неуловимую мелодию. Филифьонка была музыкальная филифьонка, хотя об этом и не подозревал никто, включая её саму. Она слушала затаив дыхание и забывала все свои горести, длинный и тонкий её силуэт темнел на фоне освещённой кухни, идеальная мишень для всех ночных опасностей. Но ничего страшного не произошло. Когда музыка закончилась, Филифьонка глубоко вздохнула, опустила ведро на крыльцо и вернулась в дом. Выносить мусор была обязанность хомсы.

А хомса Киль рассказывал у себя на чердаке:

«Существо свернулось вокруг озерца за папи-

ной табачной грядкой и ждало. Оно ждало, когда вырастет таким большим и сильным, что ни из-за чего не будет расстраиваться и нуждаться не будет ни в ком, кроме самого себя. Конец главы».

14



Само собой, в маминой и папиной комнатах никто не спал. Мамина комната смотрела на восток, потому что мама любила утренние часы, а папина на запад, потому папа любил погрустить, устремив взор на вечернее небо.

Как-то раз в сумерках Хемуль прокрался наверх к папиной комнате и почтительно остановил-

ся в дверях. Это была комнатка со скошенным потолком, место, где можно побыть в одиночестве. Или даже место, позволяющее слегка отойти в сторону. На синих стенах папа развесил странной формы ветки, некоторые таращили сделанные из брючных пуговиц глаза. Ещё там висел календарь, изображающий кораблекрушение, а над кроватью обломок доски с надписью: «Haig's whisky». На комоде валялось несколько необычных камушков, слиток золота и кучка мелочей, которые, отправляясь в путь, в последнюю минуту оставляют дома. У зеркала стояла островерхая модель маяка с деревянной дверцей в специальном углублении, с заборчиком из латунных гвоздиков на верхней площадке. Была даже лестница, которую папа смастерил из медных проводков. В каждом окне блестел кусочек серебряной бумаги.

Хемуль оглядел комнату и попытался вспомнить Муми-папу, попытался вспомнить, чем они вместе занимались и о чём болтали, — и не смог. Тогда Хемуль подошёл к окну и выглянул в сад. Ракушки вокруг засохших клумб поблёскивали в сумерках, небо на западе золотилось. Большой клён казался чёрным на фоне заходящего солнца, Хемулю открылся тот самый пейзаж, который

видел в осенних сумерках Муми-папа.

И тут Хемуль понял, чем он займётся, — он построит для папы дом на большом клёне! Хемуль прямо засмеялся от радости. Дом на дереве, что может быть лучше! Высоко над землёй, в крепких чёрных ветвях, подальше от семьи — свобода, приключения, фонарь на крыше, и они будут сидеть там вдвоём, слушать, как юго-западный ветер скрипит стенами, и беседовать, и наконец-то наговорятся всласть! Хемуль выбежал на лестницу и закричал:

— Хомса!

Хомса вылез из своего убежища.

— Опять читал? — спросил Хемуль. — Вредно столько читать. Слушай-ка. Ты любишь выдёргивать гвозди?

— Не думаю, — ответил хомса.

— Чтобы что-нибудь получилось, — объяснил Хемуль, — всегда надо, чтобы один строил, а другой подносил доски. Или чтобы один забивал гвозди, а другой выдёргивал старые.

Хомса молча посмотрел на Хемуля, понимая, кто именно должен стать этим другим.

Они пошли к поленнице, и хомса принялся выдёргивать гвозди. Доски и брёвна были старые, муми-семейство насобирало их на берегу — плот-

ная серая древесина с накрепко приржавевшими гвоздями. Хемуль прошёл дальше, к клёну, запрокинул голову и погрузился в размышления.

Хомса выкручивал и выдёргивал. Закат, перед тем как погаснуть, сделался жёлтым, как огонь. Хомса рассказывал про существо, рассказывал всё лучше и лучше, уже не словами, а картинками. Слова — это опасно, а существо подошло к очень важному моменту в своём развитии, оно готовилось измениться. Оно больше не пряталось, оно смотрело и слушало, оно скользило, точно тьма, по краю леса, насторожённо, но без всякого страха…

— Ты любишь выдёргивать гвозди? — спросила за спиной Мюмла. Она сидела на козлах.

— Что? — не понял хомса.

— Ты не любишь выдёргивать гвозди и всё-таки выдёргиваешь, — сказала Мюмла. — Мне интересно почему.

Киль смотрел на неё и молчал. От Мюмлы пахло мятой.

— И Хемуля ты не любишь, — продолжала она.

— Я об этом никогда не задумывался, — недоуменно пробормотал хомса и тут же задумался, нравится ему Хемуль или нет.

Мюмла спрыгнула с козел и ушла. Сумерки

быстро густели, с реки поднимался серый туман, стало очень холодно.

— Открой, — крикнула Мюмла у кухонной двери. — Я хочу погреться у тебя в кухне.

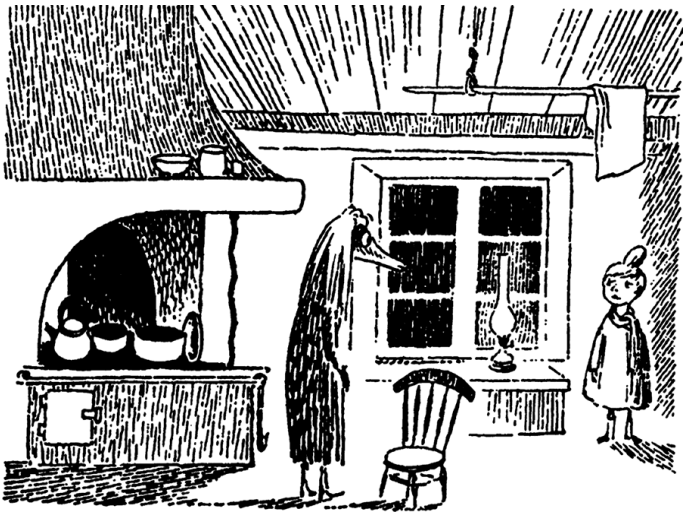
Впервые кто-то сказал «у тебя в кухне», и Филифьонка немедленно открыла.

— Можешь посидеть на моей кровати, — сказала она. — Только не мни покрывало.

Мюмла свернулась на кровати, втиснутой между плитой и посудным шкафчиком, а Филифьонка принялась готовить хлебную запеканку на завтра. Она нашла мешок старых хлебных крошек, которые муми-семейство припасло для птиц. В кухне было тепло, огонь потрескивал в печи, трепетал отблесками на потолке.

— Ну вот, теперь совсем как раньше, — сказала Мюмла сама себе.

— Ты хочешь сказать, как при Муми-маме, — неосторожно уточнила Филифьонка.



— Нет, совсем нет, — откликнулась Мюмла. — Только печь такая же.

Филифьонка всё возилась с запеканкой, она бегала по кухне туда-сюда, стуча каблучками и внезапно наполняясь рассеянными и тревожными мыслями.

— В каком смысле? — спросила она.

— Мама всегда насвистывала, когда готовила, — объяснила Мюмла. — И всё было как-то… Не знаю даже. Просто по-другому. Иногда они отправлялись куда-нибудь и еду брали с собой, а иногда вообще забывали поесть…

Мюмла прикрыла голову руками, чтобы поспать.

— Думаю, я получше тебя знаю Муми-маму, — сказала Филифьонка.

Она смазала форму маслом, вылила на дно остатки вчерашнего супа и когдатошнюю варёную картошку, уже не похожую на себя, она бегала, суетилась и в конце концов подскочила к спящей Мюмле и крикнула:

— Если б ты знала то же, что и я, ты бы так не спала!

Мюмла проснулась и лежала неподвижно, глядя на Филифьонку.

— Ты просто не знаешь, — с жаром прошептала Филифьонка. — Ты понятия не имеешь, что произошло в долине! Мерзкие твари сбежали из шкафа и теперь шастают повсюду!

Мюмла села на кровати:

— И поэтому у тебя на туфлях липучки от мух? — Она зевнула и потёрла нос.

Уже у дверей она обернулась и сказала:

— Не волнуйся ты так, нет здесь никого хуже нас.

— Она злится? — спросил из гостиной Староум.

— Она боится, — объяснила Мюмла, поднимаясь по ступенькам. — Боится того, кто сидит в шкафу.

На улице совсем стемнело. Они взяли за правило с наступлением темноты ложиться спать и спали подолгу, и всё дольше с каждым днём по мере того, как год набирал темноту.

Хомса Киль тенью проскользнул внутрь, пробормотав «спокойной ночи», Хемуль повернулся носом к стене. Он решил увенчать дом на дереве куполом. Можно будет покрасить его в зелёный цвет, может, даже с золотыми звёздами. Золото Муми-мама обычно хранила в ящике комода, а в сарае Хемуль заметил бутылку жидкой бронзы.

Когда все уснули, Староум поднялся со свечой наверх. Он подошёл к большому шифоньеру и прошептал:

— Ты там? Знаю, что там.

Он медленно открыл шифоньер, на двери блеснуло зеркало.

Пламя свечи казалось совсем крошечным на тёмной лестнице, но Староум ясно и чётко раз-

личил перед собой предка. У того была трость, шляпа и слегка потусторонний вид. Слишком длинный халат, гамаши и никаких очков. Староум сделал шаг вперёд, и предок шагнул ему навстречу.

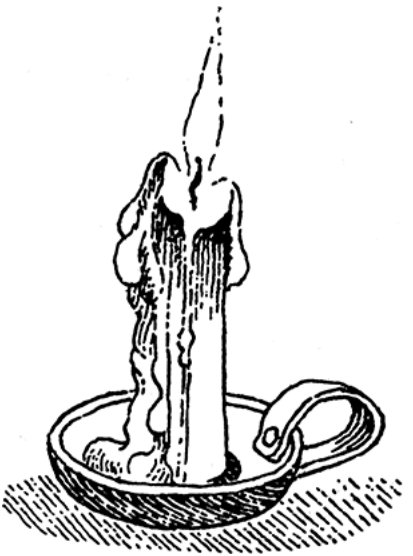
— Ага, так ты больше не живёшь в печи, — сказал Староум. — Сколько тебе лет? Ты что, совсем не носишь очки?

Староум так разошёлся, что застучал тростью в пол, чтобы придать своим словам весу. Предок тоже постучал тростью, но ничего не ответил.

— Он глухой, — решил Староум. — Глухой как пробка старикан. Но всё-таки приятно повстречать того, кто понимает, что такое быть старым.

Староум долго стоял и разглядывал предка. Наконец он приподнял шляпу и поклонился. Предок поклонился в ответ. И они расстались, испытывая глубокое уважение друг к другу.

15



Дни стали короче и прохладнее. Дожди шли редко. В середине дня солнце ненадолго освещало долину, и голые деревья отбрасывали тени на землю, но утро и вечер проходили в полумраке, а потом наступала темнота. Никто не видел, как

садится солнце, — ничего, кроме жёлтого осеннего неба да острых очертаний гор вокруг долины — как в глубоком колодце.

Хемуль с хомсой строили на дереве дом для Муми-папы. Староум каждый день вытаскивал по паре рыб, Филифьонка научилась свистеть.

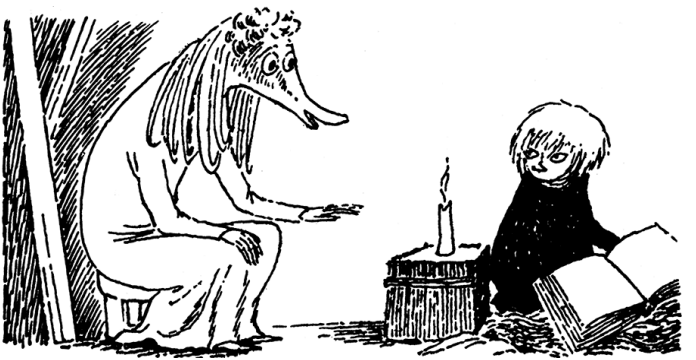
Штормов этой осенью не было, и гроза больше не возвращалась, лишь слабо погромыхивало где-то вдали, и долина от этого казалась глубже прежнего. Никто, кроме хомсы, не знал, что всякий раз, когда гремит гром, Существо вырастает, и от его пугливости остаётся всё меньше. Оно уже довольно сильно увеличилось и вообще здорово изменилось, оно научилось открывать рот и оскаливаться. Однажды вечером Существо наклонилось в жёлтом закатном свете над водой и впервые увидело собственные белые зубы. Оно ненадолго разинуло пасть и снова стиснуло и даже поскрипело зубами, совсем чуть-чуть, и подумало: «Мне никто не нужен, у меня есть зубы».

В конце концов хомсе Килю стало страшно растить Существо дальше. Он выключил все картинки. Но гром по-прежнему порыкивал над морем, и хомса понял, что теперь Существо растёт само по себе.

Как-то вечером в чердачную дверь постуча-

лась Филифьонка, осторожно приоткрыла её и сказала:

— Здравствуй, дружок!



Хомса выжидающе поднял глаза от книги.

Филифьонка, такая большая, уселась рядом с ним на пол, наклонила голову и спросила:

— Что же ты читаешь?

— Одну книгу, — ответил хомса.

Филифьонка глубоко вздохнула, собралась с духом и проговорила:

— Нелегко, наверное, быть таким маленьким и без мамы?

Хомса спрятался под волосами и не ответил. Ему было неловко за неё.

Филифьонка протянула было руку, но отдёрнула её обратно. И призналась:

— Вчера вечером я вдруг подумала о тебе. Как же тебя зовут?

— Киль, — ответил хомса.

— Киль, — повторила Филифьонка. — Красивое имя.

Филифьонка отчаянно искала слова, сожалея, что она так мало понимает в детях и никогда не питала к ним нежности. В конце концов она спросила:

— Тебе не холодно? У тебя всё хорошо?

— Дапасиббольшое, — выпалил хомса.

Филифьонка всплеснула руками, попробовала заглянуть хомсе в глаза и умоляюще спросила:

— Ты уверен?

Хомса отстранился, от Филифьонки пахло страхом. И сказал торопливо:

— Может быть, одеяло.

Филифьонка быстро поднялась на ноги.

— Будет тебе одеяло! — воскликнула она. — Подожди, подожди минутку.

Он услышал, как она бежит по лестнице и возвращается — с одеялом.

— Большое спасибо, — сказал хомса и поклонился. — Очень хорошее одеяло.

Филифьонка улыбнулась.

— Не о чем говорить, — сказала она. — Именно так поступила бы Муми-мама.

Она выпустила одеяло из рук, постояла немного и вышла.

Хомса свернул одеяло со всей аккуратностью, на какую был способен, и убрал его на самую дальнюю полку, заполз обратно под свою сеть и попытался читать дальше. Ничего не получалось. Он понимал ещё меньше, чем раньше, перечитывал одну фразу по несколько раз и не помнил, что прочитал. В конце концов он закрыл книгу, погасил свечу и вышел из дома.

Найти стеклянный шар оказалось нелегко. Хомса заблудился, он ощупью пробирался между деревьями, точно никогда раньше не был в этом саду. Наконец шар возник перед ним, но синий свет погас, шар наполнился туманом, густым, тёмным, лишь немного светлее, чем сама тьма. Туман стремительно закручивался внутри шара, то приближался к синим стенкам, то сворачивался в маленькую круглую сердцевину Вселенной

и снова разворачивался в облако, заполнял весь шар и закручивался снова.

Хомса пошёл дальше вдоль реки, мимо папиной табачной грядки. Он шагнул под ёлки возле озерца, сухой тростник зашуршал вокруг него, ботинки проваливались в топь.

— Ты тут? — медленно позвал он. — Маленький нуммулит, как у тебя дела?

И Существо заворчало на него из тьмы.

Хомса повернулся и бросился бежать, он слепо спотыкался и падал, полз, поднимался и бросался дальше, и остановился только у палатки. Палатка светилась в ночи, как большой зелёный фонарь. В палатке тихонько наигрывал Снусмумрик.

— Это я, — прошептал хомса. Он вошёл в палатку, раньше ему никогда не доводилось в ней бывать. Приятно пахло табаком и землёй. Рядом со спальником горела на ящичке с сахаром свечка, пол был покрыт стружками.

— Это будет деревянная ложка, — сказал Снусмумрик. — Ты чего-то испугался?

— Муми-семейства больше нет, — сказал Киль. — Они обманули меня.

— Не думаю, — сказал Снусмумрик. — Может, им просто захотелось отдохнуть.

Он взял термос и налил чаю в две кружки.

— Вон сахар, — сказал он. — Когда-нибудь они вернутся.

— Когда-нибудь! — воскликнул хомса. — Она нужна мне прямо сейчас, и никто больше не нужен!

Снусмумрик пожал плечами. Он намазал два бутерброда и сказал:

— Хотел бы я знать, что нужно самой Мумимаме…

Хомса ничего больше не сказал. Когда он собрался уходить, Снусмумрик крикнул ему вслед:

— Будь осторожнее, не позволяй своей мухе превращаться в слона.

Снова заиграла губная гармошка. На кухонном крыльце стояла Филифьонка с мусорным ведром и прислушивалась. Хомса обошёл её подальше и тихонько проскользнул в дом.

16

На следующий день Снусмумрик был приглашён на воскресный обед. Настало два часа, потом

четверть третьего, а Филифьонкин гонг всё молчал. Ближе к половине третьего Снусмумрик воткнул в шляпу новое перо и пошёл выяснить, что случилось. Кухонный стол стоял снаружи возле крыльца, Хемуль с хомсой в поте лица таскали стулья.

— Это называется пикник, — горько заметил Староум. — Она сказала, сегодня мы будем делать что захочется.

Во дворе появилась Филифьонка с большой супницей — внутри был овсяный суп. Лёгкий прохладный ветерок пролетел над долиной и нагнал пенку на его поверхности.

— Ешь, не стесняйся, — Филифьонка погладила хомсу по голове.

— Почему мы должны есть на улице? — заныл Староум, вылавливая пенку на край тарелки.

— Надо есть с пенкой, — наставительно сказала Филифьонка.

— Почему нельзя поесть в кухне? — повторил Староум.

— Потому что иногда надо делать то, что в голову взбредёт, — нетерпеливо ответила Филифьонка. — Или мы едим на улице, или обед вообще отменяется! Сказано вам — веселитесь!

Обеденный стол шатался на неровной земле.

Хемуль ухватился за тарелку обеими лапами.

— Вот что меня беспокоит, — сказал он. — Купол никак не получается. Хомса напилил доски в точности как я сказал, но они не держатся. А если пилить заново, они станут слишком короткие и будут выпадать. Понимаете, о чём я?

— А если сделать обычную крышу? — предложил Снусмумрик.

— Тоже падает, — сказал Хемуль.

— Ненавижу пенки в овсяном супе, — сообщил Староум.

— Есть ещё другой вариант, — продолжал Хемуль. — Можно сделать дом вообще без крыши! Я как раз подумал, что папе больше понравится смотреть на звёзды. Папа ведь любит смотреть на звёзды, как вы считаете?

Хомса Киль вдруг заорал:

— Это ты так считаешь! Откуда ты знаешь, что на самом деле нравится папе?

Все перестали есть и воззрились на хомсу.

Хомса вцепился в скатерть, крича:

— Ты всё время делаешь только то, что тебе нравится! Выбираешь только большие дела!

— Только поглядите, — изумилась Мюмла. — Хомса научился показывать зубы.

Хомса вскочил из-за стола так резко, что опро-

кинул стул. И спрятался под стол.

— Хомса, который всегда был таким послушным, — заметила Филифьонка натянуто. — Да ещё на пикнике.

— Слушай, Филифьонка, — серьёзно сказала Мюмла. — Я думаю, чтобы стать Муми-мамой, недостаточно вынести стол на улицу.

Филифьонка вскочила и закричала:

— Да что вы пристали со своими мамами! Какие они распрекрасные! Неряшливое семейство, которое даже в доме не прибирается, хотя может, и перед отъездом не оставляет даже письмеца, хотя знает, что мы… Хотя сами всё знают. — Она беспомощно умолкла.

— Письмеца! — спохватился Староум. — Находил я тут одно письмецо и куда-то его положил.

— Где? Куда ты его положил? — спросил Снусмумрик.

Теперь уже все повскакивали из-за стола.

— Куда-то, — пробормотал Староум. — Пойду-ка ещё половлю рыбки. Не нравится мне этот ваш пикник. Никакое это не веселье.

— Ну подумай, — попросил Хемуль. — Попытайся вспомнить. Мы тебе поможем. Где ты видел его в последний раз? Если б ты нашёл его прямо сейчас, куда бы ты его положил?

— У меня каникулы, — угрюмо сказал Староум. — Я буду забывать что хочу. Забывать — это приятно. И я собираюсь позабыть всё, кроме весёлого и важного. А сейчас я пойду поболтать со своим приятелем-предком. Вот он и правда знает, как всё устроено. А вы все — только думаете, что знаете.

Предок был таким же, как раньше, только с салфеткой на шее.

— Привет, — сказал Староум. — Я очень расстроен. Ты знаешь, что они учудили?

Он подождал. Предок медленно покачал головой и переступил с ноги на ногу.

— Да-да, — подтвердил Староум. — Они испортили мне каникулы. Ходишь себе такой довольный, что всё позабыл, и тут на тебе — давай вспоминай сейчас же! У меня живот болит. Я так расстроен, что аж живот почти заболел.

Впервые Староум вспомнил про лекарства. Но он не помнил, куда их положил.

— Они были в корзинке, — повторил Хемуль. — Староум говорит, что клал их в корзинку. И в

гостиной корзинки нет.

— Может, он забыл её где-нибудь в саду, — предположила Мюмла.

Филифьонка закричала:

— Он говорит, это мы во всём виноваты! Я-то в чём виновата? Я вообще ничего не делала, кроме смородинового сока, и он Староуму понравился!

Филифьонка со значением посмотрела на Мюмлу и добавила:

— Да, я знаю, что Муми-мама готовила смородиновый сок, когда кто-нибудь заболеет, и всё-таки я его приготовила.

— Нам всем необходимо успокоиться, — сказал Хемуль, — и тогда я скажу вам, как надо поступить. На повестке дня пузырьки с лекарствами, коньяк и восемь пар очков. Мы поделим долину и дом на несколько квадратов, таким образом, каждому достанется один…

— Да-да-да, — закивала Филифьонка. Она сунула нос в гостиную и спросила с тревогой: — Как вы себя чувствуете?

— Печально, — отвечал Староум. — Так всегда бывает, если в супе пенки, да ещё не дают спокойно позабывать.

Он лежал на диване, под грудой одеял, прямо в шляпе.

— Сколько же вам лет? — осторожно поинтересовалась Филифьонка.

— Не дождётесь, не помру, — весело отозвался Староум. — Тебе-то самой сколько лет?

Филифьонка исчезла. Во всём доме захлопали двери, сад наполнился криками и стуком шагов. Никто не думал ни о чём, кроме Староума.

«Корзинка может быть где угодно», — подумал он даже с некоторым удовольствием. Живот

больше не болел.

Мюмла зашла в гостиную и присела на край постели.

— Слушай, Староум, — сказала она. — Ты так же здоров, как я, и сам прекрасно это знаешь.

— Очень даже может быть, — парировал Староум. — Но я не встану, пока мне не устроят праздник! Совсем небольшой праздничек в честь пожилого населения, которое всё ещё не отдало концы!

— Или большой праздник для Мюмлы, которая хочет потанцевать, — сказала Мюмла задумчиво.

— Ничего подобного! — закричал Староум. — Грандиозное торжество в честь нас с предком! Предок сто лет ничего не праздновал, сидит в шифоньере и грустит.

— Думай себе что хочешь, — ухмыльнулась Мюмла.

— Нашёл! — закричал снаружи Хемуль.

Дверь распахнулась, гостиная наполнилась народом и звуками.

— Корзинка была под крыльцом! — кричал Хемуль. — А коньяк — на том берегу реки.

— Ручья, — поправил Староум. — Сначала выпью коньяку.

Филифьонка налила ему немножко, и все не отрываясь смотрели, как он пьёт.

— Примете каждого лекарства по чуть-чуть или какое-то одно? — спросила Филифьонка.

— Вообще ничего не приму, — Староум со вздохом откинулся на подушки. — Но не вздумайте снова говорить со мной о том, чего я не желаю слышать. И по-настоящему я не выздоровею, пока мне не устроят праздник…

— Снимите с него ботинки, — велел Хемуль. — Киль, ты сними. Так всегда делают, когда болит живот.

Хомса помог Староуму развязать шнурки и стянул с него ботинки. И вынул из ботинка смятый клочок бумаги.

— Письмо! — закричал Снусмумрик.

Он осторожно разгладил бумагу и прочёл:

«Ведите себя хорошо и не топите изразцовую печь, там живёт предок. Муми-мама».

17

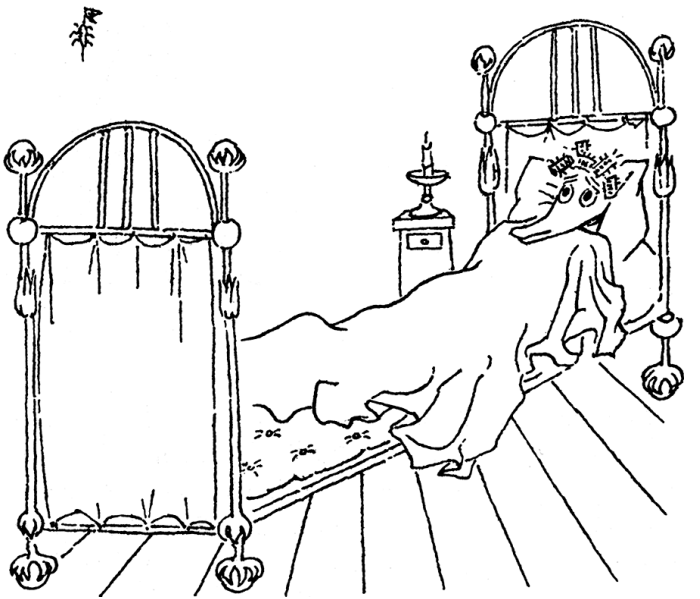
Филифьонка не говорила больше о тех, кто живёт в шкафу, она старалась наполнять голову мелкими привычными повседневными мыслями. Но по ночам она слышала эти слабые, едва

различимые звуки: кто-то ползал под обоями, быстро перебегал по половицам — а однажды в стене прямо у её изголовья затикал жук-точильщик.

Самым приятным за целый день было звонить в гонг и с наступлением темноты выносить на крыльцо ведро. Снусмумрик играл почти каждый вечер, Филифьонка выучила все его песни, но насвистывала их, только когда была уверена, что никто её не слышит.

Как-то вечером Филифьонка сидела на краю кровати, стараясь как-нибудь оттянуть отход ко сну.

— Ты спишь? — крикнула под дверью Мюмла. Не дожидаясь ответа, она вошла и сообщила: — Мне надо дождевой воды, чтобы вымыть голову.



— Вот оно что, — проговорила Филифьонка. — Я бы сказала, что речная ничуть не хуже. Она в среднем ведре. А вот в этом ключевая. Но можешь мыть и дождевой, если тебе так приспичило.

Только не наплескай на пол.

— Вот теперь ты похожа на саму себя, — заметила Мюмла, ставя воду на огонь. — И тебе так гораздо лучше. Я пойду на праздник с распущенными волосами.

— Какой ещё праздник? — резко спросила Филифьонка.

— Для Староума, — ответила Мюмла. — Ты что, не знаешь, что завтра мы устраиваем на кухне праздник?

— Вот это новости! — воскликнула Филифьонка. — Ну разумеется! Именно так и поступают те, кто оказался заперт в одном доме с малознакомой компанией, или выброшен на необитаемый остров, или захвачен ливнем, — они устраивают вечеринку, и посреди вечеринки вдруг гаснет свет, а когда снова зажигается, в доме становится На Одного Гостя Меньше…

Мюмла с интересом воззрилась на Филифьонку:

— Иногда ты меня удивляешь. А что, неплохая идея. А потом они будут исчезать по одному, и в конце концов только кошка останется умываться на их могиле!

Филифьонка вздрогнула.

— По-моему, вода уже согрелась, — заметила

она. — И у нас нет кошки.

— Тоже мне проблема, — ухмыльнулась Мюмла. — Ты просто пофантазируй как следует — и будет тебе кошка.

Она сняла кастрюлю с огня и толкнула локтем дверь.

— Спокойной ночи, — сказала Мюмла. — Не забудь уложить волосы. Кстати, Хемуль сказал, что кухню должна украсить ты, потому что у тебя художественный вкус. — И она ушла, ловко закрыв дверь ногой.

У Филифьонки громко заколотилось сердце. Художественный вкус. Хемуль сказал, что у неё есть художественный вкус! Вкус — какое удивительное слово. Она повторила его несколько раз про себя.

В ночи Филифьонка взяла из кухни лампу и пошла искать в мамином шифоньере коробку с украшениями. Коробка с бумажными фонариками и ленточками лежала на своём обычном месте в правом верхнем углу — всё вперемешку и заляпано стеарином. Пасхальные украшения, старая обёрточная бумага с подписями: «Любимому папе», «С днём рождения, милый Хемуль», «Дорогой малышке Мю — поздравляю и люблю», «Гафсе, с наилучшими пожеланиями». Очевидно,

назвать Гафсу дорогой и любимой ни у кого язык не повернулся.

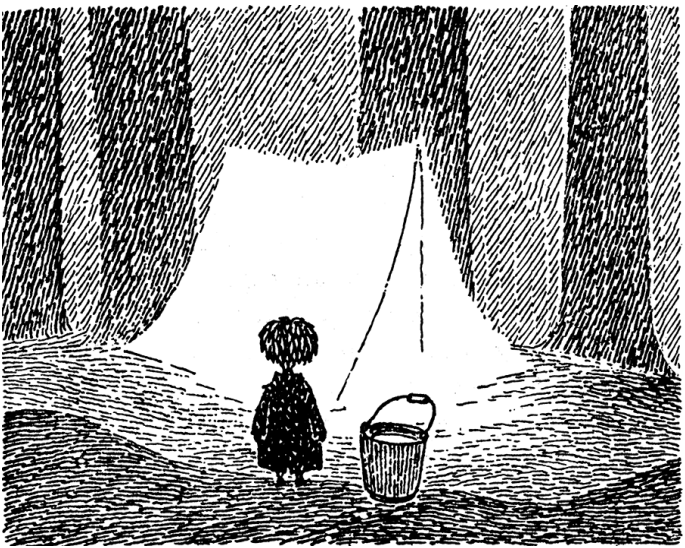
Наконец нашлись бумажные гирлянды. Филифьонка принесла всё это в кухню и разложила на шкафчике. Взбила волосы и накрутила на папильотки и всё время насвистывала, очень чисто и гораздо художественнее, чем сама могла предположить.

Хомса Киль слышал разговоры о празднике — или, как говорил Хемуль, о домашней вечеринке. Он знал, что каждый должен приготовить номер, и подозревал, что на празднике положено болтать и веселиться. Но веселиться ему не хотелось. Ему хотелось посидеть в одиночестве и разобраться, что же так разозлило его тогда на воскресном обеде. Хомсу напугало то, что внутри него обнаружился какой-то другой, незнакомый хомса, который, возможно, ещё вернётся и снова опозорит его перед остальными. Хемуль после того воскресенья строил свой дом в одиночестве. Он никогда больше не звал хомсу помогать. Обоим было неловко.

«Почему я так на него рассердился? — размышлял хомса Киль. — Сердиться было особенно не на что, и раньше я никогда не злился. Оно просто пришло, затопило меня до краёв и вылилось, точ-

но водопад! А вообще-то я всегда такой милый».

Милый хомса пошёл к реке набрать воды. Он наполнил ведро и отнёс его к палатке. Снусмумрик в палатке вырезал деревянную ложку, а может, и ничего не делал, сидел себе тихо и знал всё лучше остальных. Снусмумрик всегда говорит хорошо и правильно, а когда остаёшься один, то и вспомнить не можешь, что он такое имел в виду, и неудобно идти переспрашивать. Да он вовсе и не отвечал на вопросы, говорил о чае и о погоде, покусывал трубку и издавал эти свои звуки, от которых кажется, что ты сказал что-то совершенно невозможное. «И чего они все им так восхищаются? — серьёзно подумал хомса. — Он, конечно, стильно курит трубку. Или, может, они восхищаются, потому что он всегда может уйти и закрыться. Но вообще-то я делаю то же самое, и это никому не нравится. Наверное, это оттого, что я маленький».



Хомса забирался всё глубже в сад, к озерцу, и думал: «Мне не нужны друзья, которые только с виду милые, а на самом деле им на тебя наплевать, и такие, которые милые, только пока им самим это приятно. И трусливые не нужны. Мне

нужен тот, кто ничего не боится и умеет заботиться о других, мне нужна мама!»

Озерцо сейчас, по осени, выглядело мрачно — подходящее место для того, чтобы спрятаться и выжидать. Но хомса чувствовал, что Существа там нет. Оно ушло. Поскрипело новенькими зубами и отправилось в путь. И это он, хомса Киль, дал Существу зубы.

Староум дремал на мосту. Когда хомса прошёл мимо, он проснулся и закричал:

— У нас будет праздник! Большой праздник в мою честь!

Хомса попытался проскользнуть мимо, но Староум уцепил его своей тросточкой.

— Послушай-ка, — сказал он. — Я сказал Хемулю, что предок — мой лучший друг и он уже сто лет ничего не праздновал, так что его позарез надо позвать! Почётным гостем! «Да-да-да», — сказал Хемуль. Но я и всем вам скажу: без предка я праздновать отказываюсь! Понял ты или нет?

— Угу, — пробормотал хомса. Но думал он только о Существе.

На веранде Мюмла расчёсывала волосы в ровном солнечном свете.

— Привет, малыш, — сказала она. — Ты уже подготовил свой номер?

— Я ничего не умею, — помотал головой хомса.

— Иди-ка сюда, — сказала Мюмла. — Надо тебя причесать.

Хомса послушно встал перед Мюмлой, и она принялась расчёсывать его спутанные космы.

— Если будешь причёсываться по десять минут в день, получится очень даже симпатично. Волосы у тебя красиво лежат, и цвет приятный. Говоришь, ничего не умеешь? Во всяком случае, разозлиться ты сумел. Правда, потом залез под стол и всё испортил.

Хомса стоял не двигаясь, ему нравилось, когда его причёсывают.

— Мюмла, — вдруг сказал он. — Куда бы ты пошла, если бы была большим и злым существом?

— На пустырь, — не задумываясь, ответил она. — В тот неказистый лесок за кухней. Они всегда уходили туда, когда злились.

Она расчёсывала и расчёсывала, и хомса уточнил:

— Когда *вы* злились?

— Нет, муми-тролли, — сказала Мюмла. — Они уходили на пустырь, когда были не в духе, злились и хотели побыть одни.

Хомса сделал шаг назад и закричал:

— Неправда! Они никогда не злились!

— Стой спокойно, — велела Мюмла. — Как мне тебя причёсывать, если ты так скачешь? Должна тебе сказать, что и мама, и папа, и Муми-тролль временами ужасно уставали друг от друга. Иди сюда.

— Не пойду! — выкрикнул хомса. — Мама никогда не злилась! Она всегда была одинаковая!

Он распахнул дверь гостиной и захлопнул её за собой. Мюмла осталась в недоумении. Она ничего не знала про маму. Не знала, что мамам не положено плохо себя вести.

Филифьонка повесила последнюю гирлянду, синюю, сделала шаг назад и оглядела свою кухню. Это была самая пыльная и неряшливая кухня в мире, зато уж украшена куда как художественно. Сегодня можно будет пообедать пораньше, на веранде, вчерашним рыбным супом, а после семи подать горячие бутерброды с сыром и яблочное вино. Вино она нашла в папином шкафу, а обрезки сыра — на верхней полке в кладовке, в банке с надписью «Для лесных мышей».

Филифьонка искусно сложила салфетки — из каждой получился лебедь (Снусмумрику класть не стала, он от салфеток отказался.) Она тихонько насвистывала, лоб её был украшен мелкими жёсткими кудряшками, и внимательный наблюдатель заметил бы, что она подкрасила брови. Никто не ползал под обоями, не перебегал по половицам, точильщик замолчал. Сейчас у неё не было времени на насекомых, ей надо было обдумать свой номер — теневой спектакль

«Возвращение Муми-троллей». «Будет очень драматично, — спокойно думала Филифьонка. — Произведёт впечатление». Она закрыла на засов дверь в гостиную и дверь в кухню, поставила картонную коробку на шкафчик и принялась рисовать. Она нарисовала четыре фигурки в лодке: две большие, одну среднюю и одну совсем маленькую. Самая маленькая сидела на носу. Получилось не так замечательно, как Филифьонка представляла, и ластика не нашлось. Но идея была ясна. Закончив, Филифьонка вы́резала фигурки и прибила лодку к черенку швабры. Она делала всё быстро, решительно, и всё время насвистывала, не Снусмумриковы мелодии, а свои собственные. Свистеть у неё получалось гораздо лучше, чем рисовать и прибивать.

Она зажгла лампу на кухне — наступили сумерки. Этим вечером сумерки не принесли грусти, они были исполнены ожидания. Лампа отбрасывала на стену слабый отблеск, Филифьонка подняла швабру с силуэтами муми-семейства в лодке, и тень их упала на обои. Оставалось повесить простыню, по белым волнам которой силуэты отправятся в плавание…

— Открой! — крикнул из-под двери гостиной Староум.

Филифьонка приоткрыла и сказала:

— Ещё слишком рано.

— Сейчас начнётся, — прошептал Староум. — Ему отправили приглашение! Прямо в шифоньер. А вот это надо поставить на стол перед почётным местом, — он просунул в дверную щель мокрый букет, обёрнутый в листья и мох.

Филифьонка взглянула на пожухлые стебли и скривила нос.

— Бактерий к себе в кухню не пущу, — отрезала она.

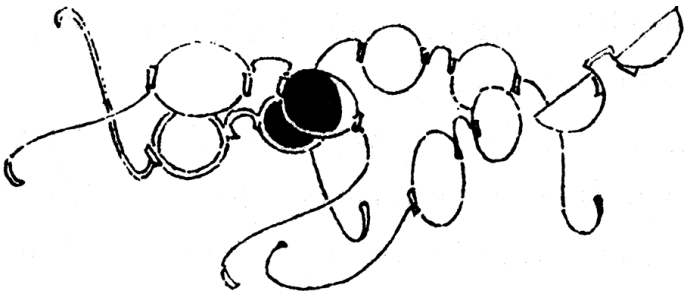
— Но это же клён! Я их вымыл в тазу, — не сдавался Староум.

— Бактерии любят воду, — заметила Филифьонка. — Вы приняли лекарства?

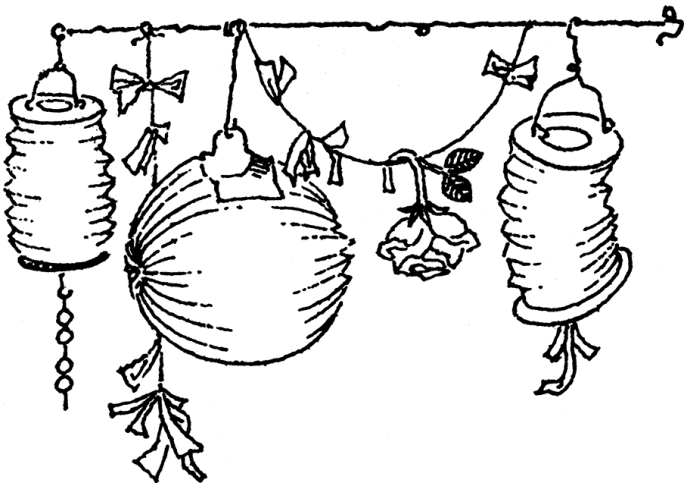
— Ты правда считаешь, что на празднике кому-то нужны лекарства? — высокомерно воскликнул Староум. — Я про них забыл. И знаешь, что ещё случилось? Я снова потерял все свои очки!

— Поздравляю, — сухо сказала Филифьонка. — Предлагаю отнести букет прямо в шкаф. Так будет веселее.

И она с лёгким стуком закрыла дверь.



18



Фонарики горели, красные, жёлтые и зелёные, и мягко отражались в оконных стёклах. Гости заходили в кухню, торжественно приветствовали друг друга и рассаживались за столом. Один только Хемуль отставил свой стул в сторонку и объявил:

— Мы собрались, чтобы провести тихий се-

мейный вечер. Прошу разрешения начать его стихотворением, которое я сочинил специально для этого случая. Я посвящаю его Муми-папе.

Хемуль взял лист бумаги и начал читать громко и растроганно:

О друг мой! Счастье — в чём оно, скажи?

В пожатье лап, в негромком разговоре…

И я, покинув лес и камыши,

На волю отдаюсь бушующего моря.

Что наша жизнь, мой друг? Она лишь сон,

Она подобна зыбкому потоку.

Вот так и я неведомо куда

Бреду своей тропою одинокой.

От пестроты и шума я устал,

Хочу отдать концы и в лапах сжать штурвал![1]

Хемуль, Муми-долина, декабрь

Все захлопали.

— «На волю отдаюсь бушующего моря», — по-

[1] Примечания: 1
Перевод Марины Бородицкой.

вторил Староум. — Хорошо сказано. Именно так говорили, когда я был маленьким.

— Погодите, — попросил Хемуль. — Хлопать надо не мне. Давайте полминуты помолчим в знак уважения к семейству муми-троллей, которое мы имели честь знать. Мы питаемся их едой — точнее, тем, что от неё осталось, мы живём в созданной ими атмосфере радости и дружелюбия. Минута молчания!

— Ты говорил, полминуты, — буркнул Староум и принялся считать секунды.

Все встали и подняли бокалы. Это был серьёзный момент.

— Двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть… — считал Староум, к вечеру у него что-то устали ноги. Вообще, это должны были быть его собственные секунды, торжество ведь устроили в честь него, а не муми-троллей. И живот болел не у них. Староум досадовал на предка, который не соизволил прийти вовремя.

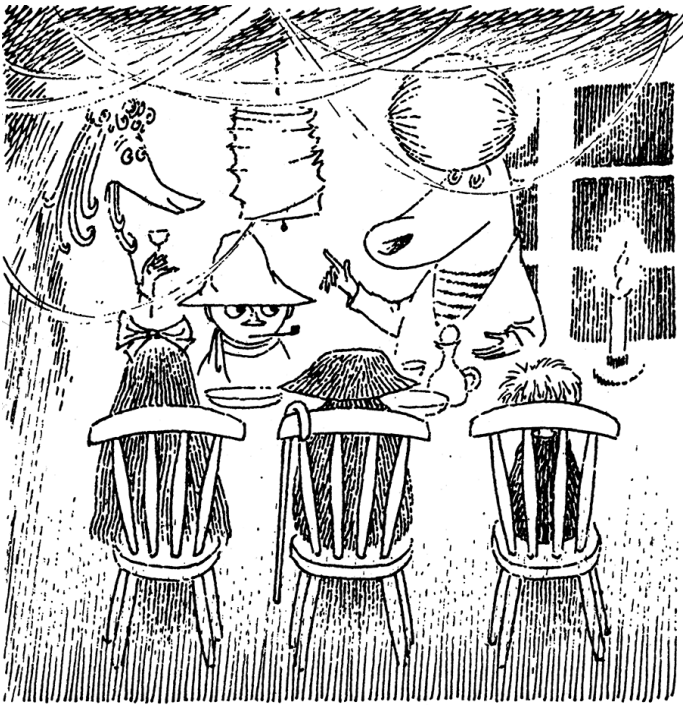
Сразу после того, как гости отдали дань уважения муми-троллям, послышалось тихое пощёлкивание откуда-то из-под кухонного крыльца. Как будто бы кто-то полз по стене. Филифьонка метнула взгляд на дверь, засов был закрыт. Она встретилась взглядом с хомсой. Оба подняли

носы и принюхались, но ничего не сказали.

— Поднимем бокалы! — воскликнул Хемуль. — За дружбу!

Все отпили по глотку из бокалов, маленьких и изящных, с ножками и завитушками по краю. После этого можно было рассаживаться.

— А теперь, — объявил Хемуль, — пусть продолжит программу самый незаметный из нас. Это ведь справедливо, чтобы последние стали первыми, а? Хомса Киль!



Хомса открыл свою книгу где-то в конце. И

прочитал очень тихо, останавливаясь перед длинными словами:

«Страница двести двадцать семь. Лишь в исключительных случаях существо, подобное тому, которого мы пытаемся реконструировать, сохраняет свою травоядность в физиологическом смысле этого слова, тогда как его отношение к внешнему миру, если можно так выразиться, наращивает свою агрессивность. В вопросе повышения чутья, скорости, силы и других охотничьих инстинктов, свойственных травоядным, никаких изменений не происходит. Зубы имеют плоскую жевательную поверхность, когти рудиментарны, зоркость низкая. Объём же существа, как следует отметить, увеличился в степени, неминуемо вызывающей затруднения у того, кто за тысячелетия привык влачить свою жизнь в трещинах и расщелинах. Мы не можем скрыть своего изумления перед данной формой развития, объединяющей в себе все внешние признаки травоядного с замкнутым образом жизни и одновременно обладающей совершенно необъяснимой агрессивностью».

— Чем-чем? — переспросил Староум. Во время чтения он сидел, приставив руку к уху. Уши не подводили его, если он заранее знал, что собе-

седник собирается сказать, — а так почти всегда и бывало.

— Агрессивностью, — громко повторила Мюмла.

— Не ори, я не глухой, — машинально отозвался Староум. — И что это такое?

— Это когда кто-то злится, — пояснила Филифьонка.

— Ага, — кивнул Староум. — Тогда я всё понял. Ещё кто-нибудь хочет что-нибудь прочесть или мы перейдём, в конце концов, к программе?

Староум начал всерьёз беспокоиться за предка. Может, у него устали ноги и он не смог одолеть лестницу. Может, обиделся или просто заснул. «Вечно что-нибудь да произойдёт, — с раздражением думал Староум. — Как только им стукнет сто лет, они становятся совершенно невыносимы. Да ещё и невоспитанны…»

— Мюмла! — провозгласил Хемуль. — Разрешите объявить — Мюмла!

Мюмла скромно и задумчиво вышла на середину комнаты. Волосы у неё доходили до колен и вымыты были на славу. Она быстро кивнула Снусмумрику, и тот заиграл. Он играл медленно, Мюмла подняла руки и закружилась на месте мелкими сомневающимися шажками. «Шуу-шуу, тиде-лиде», — пела гармоника, и постепенно звуки выстроились в весёлую мелодию, Мюмла танцевала всё быстрее, кухня наполнилась движениями и звуками, длинная рыжая грива металась, точно летучее солнце. Как было весело, как красиво! Никто не заметил, что Существо,

тяжёлое и бесформенное, обошло вокруг дома раз, другой, не зная само, чего хочет. Гости притопывали в такт и подпевали «тиде-ли, тиде-ла», Мюмла сбросила сапожки и уронила на пол шарф, бумажные гирлянды покачивались от тепла печи, все захлопали, и Снусмумрик закончил мелодию на самой высокой ноте! Мюмла гордо засмеялась.

Все закричали:

— Браво, браво!

Хемуль сказал с неприкрытым восхищением:

— Огромное спасибо!

— Не стоит благодарности, — ответила Мюмла. — Я просто не могу без танцев. Вы тоже должны потанцевать.

Филифьонка вышла вперёд и заметила:

— Когда кто-то не может без танцев и когда кто-то *должен* потанцевать — это разные вещи.

Все взялись за бокалы, решив, что Филифьонка собирается сказать речь. Но продолжения не последовало, и гости запросили ещё музыки. Староума всё это больше не интересовало, он сидел и комкал свою салфетку, и комочек становился всё меньше и твёрже. Совершенно очевидно — предок обиделся. Почётному гостю на торжество полагается эскорт, так было принято в старые

времена. Безобразно они поступили.

Староум неожиданно поднялся и оттолкнул стол.

— Безобразно мы поступили, — объявил он. — Мы начали торжество без приглашённого гостя и не помогли ему сойти по лестнице. Вы слишком поздно родились и ничего не понимаете в хороших манерах! Вы даже шарады никогда не видели! Что это за программа без шарад, я вас спрашиваю? Послушайте-ка, что я вам скажу! Смысл программы — показать лучшее, что у тебя есть, и я собираюсь показать вам своего друга-предка! Он не устал. У него не болят ноги. Он просто рассердился!

Пока Староум вещал, Филифьонка принялась беззвучно разносить горячие бутерброды. Староум взглядом провожал каждый бутерброд до тарелки, говорил всё громче и громче и наконец закричал:

— Ты испортила мне всю программу!

— О, прошу прощения, — отозвалась Филифьонка, — но они ведь тёплые, только что из печи…

— Ну хорошо, возьмите их с собой, возьмите уже, возьмите, — нетерпеливо проговорил Староум. — Но держите за спиной, чтобы он ещё сильнее не разобиделся. И бокалы тоже берите,

чтобы поднять за его здоровье.

Филифьонка держала бумажный фонарь, а Староум открыл шифоньер и низко поклонился. Предок поклонился в ответ.

— Не хочу их тебе представлять, — сказал Староум. — Ты всё равно забудешь, как их звать, да это и не важно.

Он протянул свой бокал к бокалу предка, послышался лёгкий звон.

— Ничего не понимаю, — фыркнул Хемуль.

Мюмла пнула его по ноге.

— Вы тоже должны с ним чокнуться, — сказал Староум и отступил в сторону. — Эй, куда это он подевался?

— Мы для этого слишком молоды, — торопливо сказала Филифьонка. — Он может рассердиться.

— Лучше мы крикнем «ура» в его честь, — предложил Хемуль. — Раз-два-три: ура, ура, ура!

Когда все вернулись в кухню, Староум заметил Филифьонке:

— *Ты*, кстати, не такая уж и молодая…

— Да-да, — рассеянно откликнулась Филифьонка. Она подняла длинную морду и принюхалась. Удушливый запах, отвратительный запах распада. Филифьонка взглянула на Киля. Он отвёл глаза и подумал: «Электричество».

Приятно было снова вернуться в тёплую кухню.

— Теперь я хочу фокусов, — заявил Староум. — Может тут кто-нибудь достать кролика из моей шляпы?

— Нет. Теперь будет мой номер, — с достоинством сказала Филифьонка.

— Я знаю, что сейчас будет, — закричала Мюмла. — Эта её ужасная история про то, как один из нас вышел из комнаты, и его тут же сожрали, а потом пошёл следующий, и его сожрали тоже…

— Сейчас будет теневой спектакль, — сказала Филифьонка, ни на кого не обращая внимания.

Она встала перед печью и повернулась к публике. Спектакль назывался «Возвращение». Филифьонка повесила простыню на перекладину для сушки хлеба под самым потолком, позади простыни поставила на дровяной ларь кухонную лампу и по очереди задула все свечи.

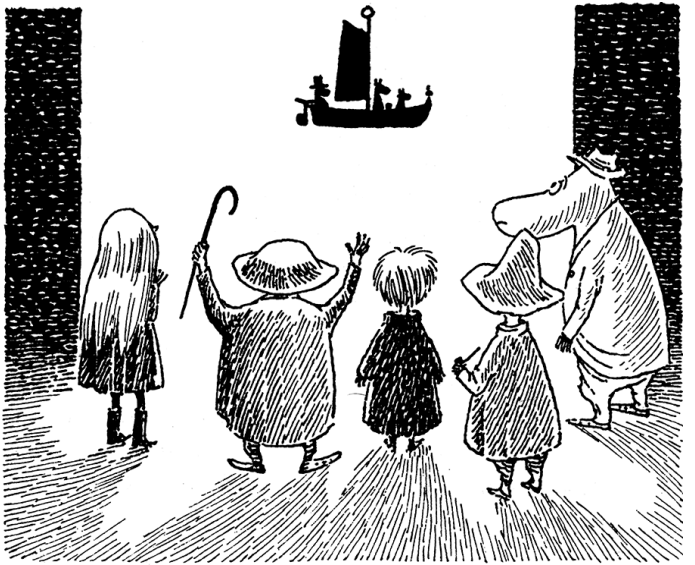
— И когда снова зажжётся свет, последний из них окажется съеден, — заметила Мюмла себе под нос.

— Ш-ш, — шикнул на неё Хемуль.

Филифьонка исчезла за простынёй, простыня светилась, большая, белая, все смотрели и ждали. Тихо, словно шёпотом, заиграл Снусмумрик.

По белой простыне заскользила тень, чёрный силуэт — лодка. На носу сидел кто-то очень маленький с похожей на луковку причёской.

— Это Мю, — поняла Мюмла. — Один в один. Хорошо сделано.



Лодка медленно плыла по простынному морю так плавно и естественно, как не удавалось ещё ни одной лодке ни в одном море, и вся семья сидела в ней: Муми-тролль и мама со своей сумочкой возле бортов, папа в шляпе на корме — он правил лодкой; семейство возвращалось домой (руль, правда, вышел не очень похоже).

Хомса Киль видел только маму. Было время разглядеть каждую деталь, чёрное изображение обрело цвета, силуэты задвигались, а Снусмумрик всё время играл так верно и хорошо, что никто и не слышал музыки, пока она не закончилась. Муми-тролли вернулись домой.

— Теневой спектакль что надо, — пробормотал Староум себе под нос. — Уж я их повидал на своём веку и помню все до единого. Этот — лучше всех.

Занавес опустился, спектакль был окончен. Филифьонка погасила кухонную лампу, стало темно. Все тихо сидели в потёмках и с некоторым удивлением ждали.

— Я не могу найти спички, — послышался вдруг голос Филифьонки.

Темнота мгновенно стала иной. Снаружи послышалось завывание ветра, кухня точно расширилась, стены заскользили наружу, в ночь, по ногам побежал холодок.

— Я не могу найти спички! — снова взвизгнула Филифьонка.

Ножки стульев заскребли по полу, со стола что-то упало. Все повскакивали и натыкались теперь в потёмках друг на друга, кто-то запутался в простыне и рухнул на стул. Хомса Киль поднял голову — Существо было рядом, большое и тяжёлое его туловище тёрлось о стену рядом с кухонной дверью. Снова послышался раскат грома.

— Они там, во дворе! — заверещала Филифьонка. — Они лезут внутрь!

Хомса Киль приложил ухо к двери и прислушался, но не услышал ничего, кроме ветра. Он приподнял засов и вышел, и дверь тихо закрылась за ним.

Лампу наконец зажгли — Снусмумрик нашёл спички. Хемуль смущённо хохотнул:

— Глянь-ка, я так стиснул бутерброд, что он весь размялся.

Кухня сделалась прежней, но никто не садился.

И никто не заметил исчезновения хомсы.

— Оставьте всё, просто оставьте как есть, — нервно проговорила Филифьонка. — Посуду я вымою завтра.

— Вы что, уже собрались по домам? — закричал Староум. — Предок только-только пошёл спать, сейчас должно начаться самое интересное!

Но ни у кого не было настроения праздновать дальше. Все торопливо и очень вежливо пожелали друг другу спокойной ночи, пожали лапы — и быстро исчезли. Староум перед уходом топнул ногой и провозгласил:

— И всё-таки я ушёл последним!

Хомса шагнул в темноту, постоял на крыльце и прислушался. Небо было чуть светлее, чем горы, округло обступившие долину. Существо молчало, но хомса чувствовал, что оно видит его.

Хомса тихонько позвал:

— Нуммулит… Маленькая радиолярия из подцарства простейших…

Но Существо не знало своих мудрёных книжных имён. Оно, похоже, растерялось и само не понимало, зачем рычит.

Хомсе было скорее тревожно, чем страшно. Куда додумается пойти нуммулит — сердитый, большой и совсем непривычный к такому себе?

Хомса сделал ещё один неуверенный шаг вперёд — и тут же почувствовал, что нуммулит отступил на шаг.

— Не надо совсем убегать, — сказал ему хомса. — Просто отойди подальше.

Он пересёк лужайку, и нуммулит посторонился, давая ему дорогу, — неуклюжая бесформенная тень, под которой с треском ломались кусты.

«Он стал слишком большой, — подумал хомса. — Так ему не выжить».

Теперь затрещали кусты жасмина. Хомса остановился и зашептал:

— Иди тихонько, тихонечко…

Существо зарычало на него. Хомса услышал тихий шелест дождя, гроза была далеко. Они пошли дальше, и Хомса всё время разговаривал с Существом. Так они дошли до стеклянного шара. В этот вечер шар был ярко-синим, волны зыбко мерцали в темноте.

— Не нужно, — сказал хомса. — Кусаться нельзя. Мы не будем их кусать. Просто послушай меня.

Существо слушало, но, возможно, слышало только хомсин голос. Хомса озяб, ноги промокли, он потерял терпение и сказал:

— Становись снова маленьким и прячься. Ты не сможешь так жить!

И шар вдруг погас. Длинные голубые волны разверзлись, точно глубокая пасть, и сомкнулись снова, существо из подцарства простейших сделалось маленьким и вернулось к своей изначальной форме жизни. Папин стеклянный шар, который вмещал в себя весь мир, окружая его своей заботой, раскрылся и впустил растерянного нуммулита.

Хомса Киль вернулся в дом и прокрался к себе на чердак, завернулся в свою сеть и тут же заснул.

Все разошлись, а Филифьонка осталась стоять посреди кухни, погружённая в раздумья. Всё было перевёрнуто вверх дном, гирлянды затоптаны, стулья опрокинуты, бумажные фонарики закапали всё стеарином. Филифьонка подняла с пола бутерброд, рассеянно откусила и выбросила остатки в мусорное ведро.

— Праздник удался, — пробормотала она.

Снова пошёл дождь. Филифьонка прислушалась, но не услышала ничего, кроме дождя. Все

ушли.

Филифьонка не была ни довольна, ни расстроена и ничуть не устала. Всё кругом словно замерло, только она прислушивалась. Снусмумрик забыл на столе свою губную гармошку, Филифьонка взяла её в руки, подержала, подождала. Снаружи доносился лишь шум дождя. Филифьонка подула в гармошку, подвигала её туда-сюда, послушала звуки… И уселась за кухонный стол. Как там оно было? Тидели-тидело… Было сложно попасть правильно, она начинала снова и снова, осторожно пробовала ноты, и вот нашла первую, а вторая сама пришла следом. Мелодия проскользнула мимо, но вернулась. Похоже, надо просто пробовать, не искать. Тидели, тидело… теперь звуки пришли чередой, и каждая нота была на своём неоспоримом месте.

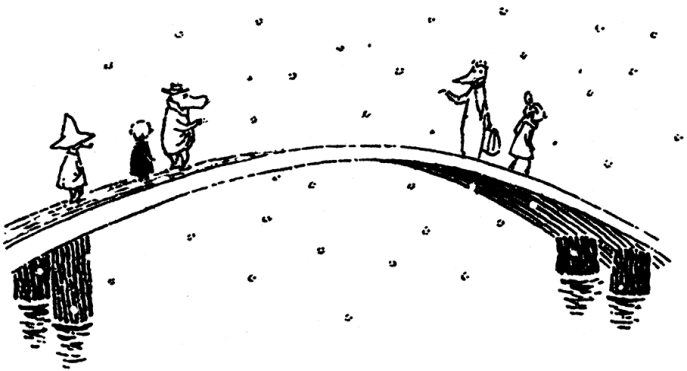
Час, другой, третий сидела Филифьонка за кухонным столом и играла на губной гармошке, ощупью, с благоговением. Звуки уже напоминали мелодию, мелодия становилась музыкой. Она играла песни Снусмумрика и свои собственные, она была в полной безопасности и недосягаема для всего остального мира. Её не волновало, что кто-то может её услышать. В саду было тихо, все ползучие уползли, остались только осенние

сумерки да набирающий силу ветер.

Филифьонка заснула за кухонным столом, уронив голову на руки. Она превосходно проспала до половины девятого утра, проснулась, огляделась и произнесла:

— Ну и безобразие! Генеральной уборки сегодня не миновать.

19



В восемь тридцать пять, ещё в сумерках, в доме начали одно за другим распахиваться окна. Матрасы, одеяла и пледы громоздились на подоконниках, восхитительный сквозняк пробежал по дому и взметнул густые облака пыли по углам.

Филифьонка взялась за уборку. Во всех кастрюлях грелась вода, швабры, тряпки и тазики выбрались из шкафов, половики висели на перилах веранды. Шла самая генеральная уборка в мире. Остальные стояли во дворе и изумлённо

наблюдали, как Филифьонка бегает вверх-вниз, туда-сюда, повязав голову косынкой, в Муми-мамином переднике, таком большом, что Филифьонке хватило завернуться трижды.

Снусмумрик пришёл на кухню за губной гармошкой.

— На полочке возле печи, — сказала Филифьонка на ходу. — Не волнуйся, я о ней позаботилась.

— Может, оставить тебе её ещё ненадолго? — неуверенно предложил Снусмумрик.

— Забирай, — деловито отозвалась Филифьонка. — Я заведу свою. Да смотри под ноги, а то сейчас растащишь весь мусор.

Какое блаженство — снова приняться за уборку. Филифьонка знала наверняка, где прячутся пыль и грязь, мягкие, серые, самодовольные, они селились по углам, и она преследовала каждый комок пыли, большой, толстый, волосатый, который перекатывался себе и считал, что он в безопасности. Ха! Личинки платяной моли, пауки, многоножки, ползучие и насекомовидные всех мастей были повержены большой Филифьонкиной метлой, и реки горячей воды и мыльной пены затопили всё на свете, и что-то нехорошее, ведро за ведром, выплёскивалось из двери во двор, и жизнь снова становилась прекрасна.

— Никогда не любил этих дамочек с их уборкой, — пробурчал Староум. — Кто-нибудь сказал ей не трогать предковский шифоньер?

Но и шифоньер уже был вымыт, вымыт с двойным тщанием. Не коснулась Филифьонка лишь зеркала внутри — оно так и осталось мутным.

Постепенно уборочный азарт охватил всех, кроме Староума. Все таскали воду, выхлопывали половики, протирали кусочки пола там и сям, каждый вымыл по окну, а проголодавшись, все пошли в кладовку доедать то, что осталось от вчерашней вечеринки. Филифьонка ничего не ела и не вступала в разговоры, на это у неё не было ни времени, ни желания! Иногда она начинала насвистывать, она была гибкой и лёгкой и перелетала, точно ветер, с одного места на другое, ужас и пустота рассеивались, и она думала мимоходом: «Что это со мной было? Я сама была точно большой серый комок пыли… Но из-за чего?» Вспомнить она не могла.

Так день великой уборки постепенно склонил-

ся к вечеру и, к счастью, обошёлся без дождя. К наступлению сумерек всё было разложено по местам, начищено, натёрто, проветрено, и дом удивлённо глядел во все стороны свежевымытыми окнами. Филифьонка сняла косынку и повесила мамин передник на гвоздь.

— Вот и сказке конец, — сказала она. — Теперь можно вернуться домой и прибраться у себя. Наверняка там уже пора.

Все сидели на ступеньках веранды, вечер был холодный, но ощущение перемен и разлуки всё не давало им разойтись.

— Спасибо, что прибралась в доме, — с искренним восхищением сказал Хемуль.

— Не стоит благодарности, — ответила Филифьонка. — Я просто не могу без уборки. Вы тоже должны иногда прибираться — Мюмла так точно.

— Вот ведь странно, — проговорил Хемуль. — Мне иногда кажется, что всё, что мы говорим или делаем, всё, что с нами происходит, уже происходило раньше. Вы понимаете, о чём я? Ничто не меняется.

— А с чего бы ему меняться? — сказала Мюмла. — Хемуль есть хемуль, и случается с ним всегда одно и то же. А мюмлам иногда случается сбежать и не участвовать ни в какой уборке! — Она громко рассмеялась и хлопнула себя по коленям.

— Ты что, всю жизнь собираешься оставаться такой, как сейчас? — с любопытством спросила Филифьонка.

— Очень на это надеюсь! — провозгласила Мюмла.

Староум оглядел всех по очереди, его утомили их уборки и бессмысленные разговоры.

— Зябко, — сказал он, тяжело поднялся и ушёл в дом.

— Скоро пойдёт снег, — сказал Снусмумрик.

Снег пошёл на следующее утро мелкими ко-

лючими хлопьями, стало мучительно холодно. Филифьонка и Мюмла попрощались с остальными на мосту, Староум ещё спал.

— Мы с пользой провели время, — проговорил Хемуль. — Надеюсь, мы ещё увидимся с вами и с муми-семейством.

— Да-да, — рассеянно кивнула Филифьонка. — В любом случае передайте им, что это я подарила фарфоровую вазу. Напомни-ка ещё раз, как называется твоя гармошка?

— «Гармония-два», — сказал Снусмумрик.

— Счастливого пути, — пробормотал хомса Киль.

— Поцелуйте Староума в носик, — вспомнила Мюмла. — И не забывайте, что он любит огурцы и что река — это ручей.

Филифьонка взяла свой саквояж.

— Следите, чтобы он принимал лекарства, хочет он того или нет, — сурово сказала она. — Сто лет — это вам не шутки. И кстати, вы отлично можете время от времени устраивать домашние вечеринки.

Она, не оглядываясь, зашагала по мосту, Мюмла ушла следом. Они исчезли в снегопаде, окружённые печалью и лёгкостью, которые обычно сопровождают прощание.

Снег сыпал весь день, стало ещё холоднее. Укрытая белым земля, отъезд, прибранный дом — от всего этого день казался неподвижным и задумчивым. Хемуль постоял, посмотрел на своё дерево, попилил какую-то доску, бросил и снова встал и принялся смотреть. Время от времени он возвращался в дом и стучал по барометру.

Староум лежал на диване в гостиной и думал о том, как всё меняется. Мюмла была права. Староум вдруг осознал, что его ручей — действительно река, коричневая река, которая извивается в заснеженных берегах, просто-напросто коричневая река. Теперь он не мог даже ловить рыбу. Староум сунул голову под бархатную подушку и принялся представлять свой ручей, всё ясней и ясней ему вспоминалось, как бежали ручьи и дни, когда ручьи кишели рыбой, а ночи были светлыми и тёплыми и всё время что-то происходило. И он сам тоже бежал со всех ног, чтобы ничего не пропустить, и спал по чуть-чуть, мимоходом, и всегда было так весело…

Староум поднялся поговорить с предком.

— Привет, — сказал он. — Снег пошёл. Почему перестало случаться важное, почему всё стало

таким ничтожным? И где мой ручей?

Староум замолчал, его утомил друг, который никогда не отвечает.

— Слишком ты старый, — Староум постучал тросточкой. — А с зимой ещё больше состаришься. Зимой всегда стареют.

Староум взглянул на друга, подождал. Все двери на втором этаже, во все пустые комнаты, были распахнуты, всё безопасное и беспечное растаяло, половики лежали ровными серьёзными прямоугольниками, всё было холодное и залито снежным зимним светом. Гнев и одиночество охватили Староума, и он воскликнул:

— Ну? Скажи хоть что-нибудь!

Но предок не отвечал, он только стоял и таращился из шифоньера в своём слишком длинном халате и не произносил ни слова.

— Выходи, — сурово велел Староум. — Выйди и посмотри. Они всё сделали по-своему, и теперь только мы помним, как оно было вначале.

И Староум с силой ткнул предка в живот своей тросточкой. Старое зеркало со звоном треснуло, выпало из рамы и рассыпалось на осколки, один, длинный и узкий, поймал озадаченное лицо предка и тоже разбился, и Староум остался тет-а-тет с пустой и безмолвной коричневой

фанеркой.

— Всё ясно, — сказал Староум. — Он ушёл. Рассердился и ушёл.

Староум сел возле печи и задумался. За кухонным столом, заваленным чертежами, сидел Хемуль.

— Со стенами что-то не так, — проговорил он. — Наклоняются не туда, и через них можно выпасть наружу. Они совершенно не подходят к ветвям.

— Наверное, он впал в спячку, — размышлял Староум.

— Но вообще-то, — продолжал Хемуль, — вообще-то стены — это лишнее. Когда сидишь на дереве, приятнее смотреть в ночь и видеть, что происходит вокруг, а?

— Наверное, важное случается только весной, — решил Староум.

— Что ты говоришь? — спросил Хемуль. — Так будет лучше?

— Нет, — отрезал Староум. Он не слушал. Он наконец-то знал, что делать, — это ведь проще простого! Он перепрыгнет зиму, сделает один большой прыжок прямо в апрель. Не о чем больше печалиться! Надо только смастерить уютное гнёздышко и предоставить остальному миру творить, что ему вздумается. А когда проснёшься,

всё будет так, как должно быть. Староум пошёл в чулан и достал с полки миску с еловыми иголками, он был в прекрасном настроении, и его вдруг стало ужасно клонить в сон. Он прошёл мимо бормочущего Хемуля и сказал: — Пока! Я отправляюсь в спячку.

— Пока-пока, — рассеянно отозвался Хемуль. Услышав, как хлопнула дверь, он поднял морду и посмотрел Староуму вслед, а потом снова отдался сложному искусству построения домов на деревьях.

Небо в этот вечер было ясное-ясное. Хомса шёл через сад, тонкий лёд похрустывал под лапами. Долина притихла от мороза, заснеженные холмы поблёскивали. Стеклянный шар опустел — теперь это был просто красивый синий шар. Зато чёрное небо было усыпано звёздами, миллионами потрескивающих, искрящихся, сверкающих зимним холодом бриллиантов.

— Зима, — сказал хомса, входя в кухню.

Хемуль пришёл к выводу, что стенами можно пренебречь — пусть будет только пол, — собрал свои чертежи и проговорил:

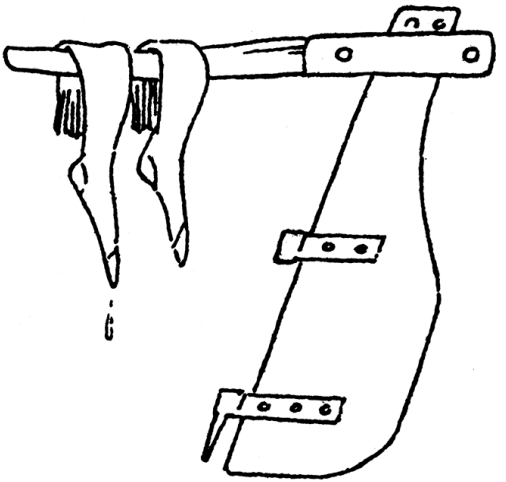
— Староум впал в спячку.

— А вещи свои он взял? — спросил хомса.

— Что ему с ними делать? — удивился Хемуль.

Вне всяких сомнений, тот, кто впал в спячку, проснётся помолодевшим, самое главное — его не беспокоить. Но, проснувшись, приятно узнать, что кто-то позаботился о тебе, пока ты спал. Поэтому хомса собрал все Староумовы пожитки и сложил их около шифоньера. Он накрыл Староума одеялом из гагачьего пуха и крепко подоткнул углы — зимой ведь может быть холодно. В шкафу приятно пахло специями. А коньяка в бутылочке хватит ещё на хороший бодрящий апрельский глоток.

20



После того как Староум залёг в спячку в шифоньере, долина сделалась тише прежнего. Время от времени от клёна доносились удары Хемулева молотка или из дровяного сарая стук топора. В остальном было тихо. Все говорили друг другу «доброе утро» и «привет», но разговаривать желания не было. Они ждали, чем закончится эта

история.

То один, то другой заходили в кладовку чем-нибудь перекусить, на плите не остывал кофейник.

Собственно говоря, тишина эта была приятной и спокойной, и им стало лучше друг с другом, когда они виделись не так часто. Стеклянный шар был пуст и готовился наполниться чем угодно. С каждым днём становилось всё холоднее.

И вот однажды утром кое-что произошло: пол хемульского дома с грохотом рухнул вниз, а большой клён снова стоял с таким видом, будто его никогда и не касалась лапа хемуля.

— Вот чудеса, — сказал Хемуль. — Мне опять кажется, что всё время происходит одно и то же.

Они стояли под клёном втроём и оглядывали руины несостоявшегося дома.

— Может, — застенчиво начал хомса, — может, папе больше нравится сидеть просто на дереве?

— Это ты хорошо сказал, — подхватил Хемуль. — Это ведь в его духе, а? Я мог бы ещё вбить в дерево гвоздь для фонаря. Но пусть фонарь лучше висит на ветке, это как-то естественнее.

И они отправились пить кофе и на этот раз пили его все вместе и под чашки подставили блюдечки.

— Подумать только, как сближают неприятно-

сти, — проговорил Хемуль, позвякивая ложкой в чашке. — И что мы теперь будем делать?

— Ждать, — сказал хомса Киль.

— Да-да, ну а я-то? — возразил Хемуль. — Ты можешь просто дожидаться их возвращения, а я — совсем другое дело.

— Почему? — спросил хомса.

— Не знаю, — ответил Хемуль.

Снусмумрик подлил ещё кофе и заметил:

— После полудня поднимется ветер.

— Вот ты всегда так! — закричал вдруг хомса. — Спрашиваешь у тебя, что делать, и что будет дальше, и как всё ужасно, а ты отвечаешь: «Скоро пойдёт снег», или «Ветрено», или ещё что-нибудь в таком духе, не передать ли сахар…

— Ты опять злишься, — изумился Хемуль. — Почему ты злишься через такие большие промежутки времени?

— Я не знаю, — пробормотал Киль. — Я не злюсь, мне просто стало…

— Я подумал про лодку, — пояснил Снусмумрик. — Если после двенадцати поднимется ветер, мы с Хемулем можем попробовать выйти под парусом.

— Она старая, протекает, — заметил Хемуль.

— А вот и нет, — сказал Снусмумрик. — Я её

законопатил. И нашёл в сарае парус. Ну что, хочешь?

Хомса Киль быстро отвёл глаза в чашку, ему показалось, что Хемуль боится. И Хемуль ответил:

— Было бы замечательно.

В половине первого поднялся ветер, он был не очень сильный, но всё-таки нагнал на море пенных барашков. Снусмумрик уже притащил лодку к мосткам у купальни, поднял шпринтовый парус и пропустил Хемуля на нос. Было очень холодно, они надели на себя все шерстяные вещи, какие только нашли. Небо было ясным, только у горизонта столпились тёмно-синие зимние облака. Снусмумрик вышел из-за мыса, лодка накренилась и начала набирать скорость.

— Его величество море, — дрожащим голосом проговорил Хемуль. Морда у него побелела, и он с ужасом смотрел на борта, сразу за которыми — ох как близко! — начиналась зелёная пенящаяся вода. «Так вот оно как, — думал он. — Вот, значит, каково это — ходить под парусом. Весь мир кружится, а ты висишь на краешке над самой бездной, мёрзнешь, стыдишься и жалеешь, что в это ввязался, но уже слишком поздно. Только бы он не заметил, как мне страшно».

За мысом лодку подхватили высокие волны, которые нагнало в эти края откуда-то издалека. Снусмумрик держал лодку по ветру и направлялся прямо в открытое море.

Хемуля стало укачивать. Тошнота подступала медленно и коварно, сначала он только зевал,

зевал и сглатывал, сглатывал, и вдруг всё тело сделалось беспомощным и жалким, и из желудка поднялась тоскливая волна, и захотелось умереть.

— Давай к рулю, — велел Снусмумрик.

— Нет, нет, нет, — прошептал Хемуль и отчаянно замахал лапами, от резкого движения в желудке опять открылась пробоина, и всё это невыносимое море, казалось, перевалилось на другой бок.

— Давай к рулю, — повторил Снусмумрик. Он поднялся и перебрался на среднюю банку. Руль беспомощно заболтался сам по себе — кто-то должен его взять, какой ужас, — Хемуль двинулся к корме, он спотыкался и пошатывался над банками и наконец вцепился в руль посиневшими лапами, парус бился в истерике, просто какой-то конец света! А Снусмумрик сидел себе и смотрел на горизонт.

Хемулю было так плохо, что он совсем не мог думать и правил инстинктивно, и вдруг оказалось, что он умеет управлять лодкой, парус наполнился ветром, и лодка ровно заскользила вдоль побережья на высоких волнах.

«Меня не тошнит, — осознал Хемуль. — Когда я крепко-крепко держусь за руль, меня не тош-

нит».

Желудок успокоился. Хемуль жадно смотрел на нос лодки, который поднимался и опускался на волнах, поднимался и опускался, пусть так идёт и дальше хоть до самого конца света, только пусть меня больше не тошнит, пусть мы даже утонем, только бы меня не вырвало… Хемуль не смел шевельнуть ни одной мышцей, не смел гримасничать, не смел даже думать, он только глядел и глядел на подпрыгивающий нос лодки, а лодка отчаянно летела всё дальше и дальше в открытое море.

Хомса Киль помыл посуду и застелил Хемулеву постель. Он собрал из-под клёна доски и спрятал их за сараем и теперь сидел за кухонным столом, прислушивался к ветру и ждал.

Наконец из сада донеслись голоса — Сну-смумрик с Хемулем вернулись. Хомса услышал шаги на кухонной лестнице, и Хемуль ввалился в кухню и сказал «привет».

— Привет, — откликнулся хомса. — Сильный ветер?

— Практически шторм, — ответил Хемуль. — Суровая погодка.

Хемуль всё ещё был зеленоват с лица и дрожал от холода, он снял сапоги и носки и повесил их

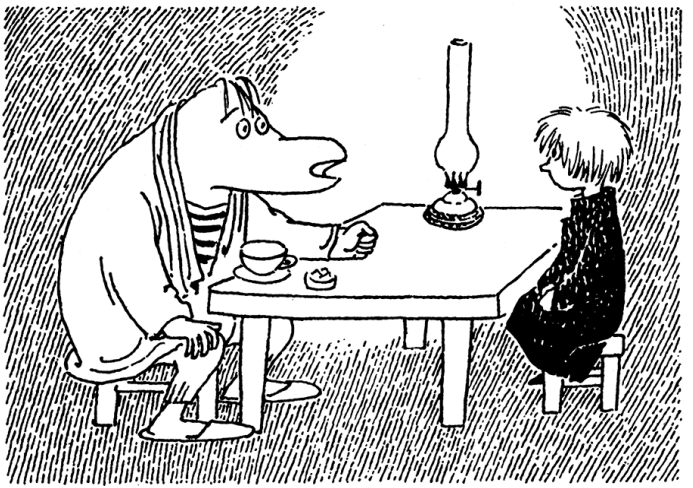
сушиться у печки. Хомса налил ему кофе. Они сидели друг против друга за столом, и обоим было неловко.

— Я вот думаю, — проговорил Хемуль. — Я вот думаю, не пора ли мне наконец вернуться домой. — Он чихнул и добавил: — Кстати, это я был у руля.

— Ты, наверное, скучаешь по своей лодке, — пробормотал хомса.

Хемуль надолго замолчал. Когда он снова заговорил, на физиономии его отразилось явное облегчение.

— Знаешь, — начал он. — Я тебе кое-что скажу. Сегодня я впервые в жизни вышел в открытое море!



Хомса не поднимал глаз, и Хемуль спросил:

— Ты что, совсем не удивлён?

Хомса покачал головой.

Хемуль встал и принялся мерить шагами кухню, он был очень расстроен.

— Ходить под парусом — это просто ужасно, — признался он. — Мне было так плохо, что хоть

концы отдай, и очень страшно!

Хомса посмотрел на Хемуля и сказал:

— Неприятно, наверно.

— Вот именно, — согласился Хемуль. — Но главное, Снусмумрик ничего не заметил! Он считает, что я хорошо держался по ветру, что у меня хорошая хватка, представляешь? И теперь я понял, что не хочу никаких парусов. Разве не странно, а? Я вдруг осознал, что в жизни больше не пойду под парусом. — Хемуль поднял морду и от души расхохотался. Потом он с чувством высморкался в кухонное полотенце и добавил: — Ну вот я и согрелся. Как только носки с сапогами высохнут, отправлюсь в путь. Ох и кавардак, наверное, дома! Придётся навести порядок.

— Устроишь уборку? — спросил Киль.

— Нет, конечно! — воскликнул Хемуль. — Организую других. Ведь мало кто понимает, как всё должно быть устроено, и может обойтись без хорошего совета!

Прощались, как всегда, на мосту. Носки и сапоги у Хемуля высохли, и он готов был к дороге. Ветер ещё не стих, он трепал Хемулевы жидкие волосы, а сам Хемуль не то подхватил насморк, не то расчувствовался.

— Это моё стихотворение, — Хемуль протянул

Снусмумрику листок бумаги. — Я записал его на память. Ну, то, «Счастье — в чём оно, скажи?», помните? Удачи, и передавайте привет муми-троллям. — Он махнул лапой и зашагал прочь.

Уже на другой стороне моста его бегом догнал хомса Киль:

— А что ты сделаешь с лодкой?

— С лодкой, — повторил Хемуль. — И верно, лодка.

Он задумался и наконец сказал:

— Я подожду, пока не повстречаю кого-нибудь подходящего.

— Кого-нибудь, кто мечтает о парусах, — уточнил Киль.

— Да нет, — покачал головой Хемуль. — Просто кого-то, кому нужна лодка.

Он снова помахал лапой и вскоре исчез среди берёз.

Хомса глубоко вздохнул. Вот и ещё одним меньше. Вскоре долина станет пустой и прозрачной, как стеклянный шар, и будет принадлежать только муми-троллям и ему, хомсе Килю. Проходя мимо Снусмумрика, он спросил:

— А ты когда уходишь?

— Посмотрим, — ответил Снусмумрик.

21

Хомса Киль в первый раз зашёл в мамину комнату. Комната была белая. Хомса набрал в кувшин воды и разгладил вязаное покрывало. Филифьонкину вазу он поставил на ночной столик. У мамы на стенах не было картин, а на комоде стояло только блюдечко с булавками, пробками и двумя круглыми камушками. На подоконнике хомса нашёл перочинный нож.

«Мама забыла, — подумал он. — Она всегда выреза́ла им кораблики из коры. Но может, у неё есть другой».

Хомса открыл оба лезвия, большое и маленькое, они совсем затупились, а шило сломалось. У ножа были, кроме лезвий, ещё ножницы, но ими

мама, похоже, редко пользовалась. Хомса сходил в сарай, наточил нож и положил его обратно на подоконник.

Погода стала мягче, задул юго-западный ветер.

«Это муми-ветер, — подумал хомса. — Я знаю, они всегда любили зюйд-вест».

Облака медленно громоздились над морем, всё небо потяжелело от облаков, и видно было, что они полны снега. Через пару дней все долины укроет зима. Она долго выжидала, но теперь настал её час.

Снусмумрик стоял у палатки и чуял запах расставания и готов был пуститься в путь. Скоро долина запахнёт свои двери.

Спокойно и медленно Снусмумрик вытащил из земли колышки и свернул палатку, затушил угли. На этот раз он не спешил.

Кругом было чисто и пусто, и только прямоугольник пожелтевшей травы мог ещё рассказать о том, где жил Снусмумрик. Завтра и эту траву укроет снег.

Снусмумрик написал письмо Муми-троллю и положил в почтовый ящик. Собранный рюкзак ждал на мосту.

На рассвете Снусмумрик отправился за своими пятью тактами на берег. Он пробрался через

водоросли и коряги на песок и подождал. Они пришли сразу и оказались ещё красивее и проще, чем он думал.

Снусмумрик вернулся к мосту, песнь дождя становилась всё ближе, ближе, он забросил на плечи рюкзак и направился к лесу.

В тот же вечер в стеклянном шаре зажглась едва заметная, но уверенная точка. Это муми-семейство повесило на мачту фонарь — они возвращались домой, чтобы заснуть до весны.

Зюйд-вест не унимался, высоко в небе громоздились облака. Повеяло чистым, пустым запахом снега.

Найдя пустое место от палатки, хомса не удивился. Наверное, Снусмумрик догадался, что Киль хочет встретить муми-семейство в одиночку. На мгновение хомса задумался — неужели Снусмумрик знает все тайны на свете? — но лишь на мгновение. Потом хомса Киль снова стал думать о себе. Он так сильно мечтал о встрече с семейством, что даже устал. Всякий раз при мысли о маме у него начинала болеть голова. Мама стала такой совершенной, такой мягкой и утешительной, что это невозможно было вытерпеть — большой круглый гладкий шар без лица. Вся Муми-долина утратила реальность, дом, сад

и река превратились в кулисы театра теней, и хомса уже не мог отличить настоящее от того, что сам придумал. Из-за того что ему приходится так долго ждать, он разозлился. Он сел на кухонное крыльцо, обхватил колени руками и зажмурил глаза, большие странные картинки теснились в его голове, и ему вдруг стало страшно. Он вскочил и бросился бежать, он пробежал мимо огорода, мимо мусорной кучи прямо в лес, вокруг вдруг сделалось темно — он прибежал на пустырь, в тот некрасивый заброшенный лесок, про который говорила Мюмла. Здесь царил вечный полумрак. Тощие деревья стояли тревожно, навытяжку, ветвям не хватало места. Земля была похожа на влажную кожу. Единственным ярким пятном был гриб-рогатник, он тянул из темноты свои оранжевые пальцы, а у корней деревьев столпились мощные бархатные трутовики, белые и кремовые. Это был какой-то другой мир. Для него у хомсы не было ни картинок, ни слов — кто захочет придумывать такое? Никто никогда не искал сюда дороги, не присаживался отдохнуть под этими деревьями. Здесь только бродили, исполнившись мрачных мыслей, — это был лес дурного настроения. Хомса успокоился, как-то собрался. С огромным облегчением он почувство-

вал, что мучившие его образы исчезли. История о Муми-долине и счастливом семействе поблекла, растаяла, и мама растаяла, сделалась безликой, и он не помнил уже, как она выглядела.

Хомса пошёл по лесу дальше, он пригибался под ветками, полз, спотыкался, ни о чём не думал и был пуст, как стеклянный шар. Сюда мама приходила, когда уставала, злилась, обижалась, хотела побыть одна, бесцельно бродила в вечных сумерках, погружённая в свои грустные мысли… Киль увидел совсем другую маму, настоящую. Он вдруг задумался — из-за чего она грустила и чем можно было ей помочь.

Лес поредел, и показались серые горы, изрезанные глубокими топкими лощинами до самых вершин, где гора становилась высокой и голой. Здесь не было ничего, кроме ветра. На огромных небесах громоздились гигантские белые облака — тут всё было большое. Хомса Киль оглянулся, но долина отсюда казалась лишь еле заметной тенью. Тогда он посмотрел на море. Море распахнулось перед ним — серое, в гладких белых полосках пены до самого горизонта. Киль повернулся носом к ветру и сел ждать. Теперь он снова мог ждать.

Муми-троллям дул попутный ветер, и они держали курс прямо на побережье. Они приплыли с какого-то острова, где Киль никогда не бывал и которого даже с горы не было видно. «Может быть, им хотелось остаться там, — подумал он. —

Может, теперь они будут рассказывать себе о нём, перед тем как уснуть».

Хомса долго сидел на горе и смотрел на море. Настали сумерки, земля погрузилась во тьму, но он по-прежнему мог разглядеть каждую полоску пены.

Перед самым закатом солнце метнуло в облака свой луч, холодный и по-зимнему жёлтый, и весь мир в нём сделался пустынным.

И хомса Киль увидел папин штормовой фонарь на мачте. Фонарь горел мягким, тёплым негаснущим светом. Лодка была ещё очень далеко. Хомса Киль как раз успеет спуститься через лес в долину, добежать по берегу до купальни — и принять фалинь.

